

На правах рукописи

Гудова Маргарита Юрьевна

Чтение в эпоху постграмотности: культурологический анализ

24.00.01 – теория и история культуры

Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора
культурологии

Екатеринбург – 2015

Работа выполнена на кафедре эстетики, этики, теории и истории культуры Института социально-политических наук ФГАОУ ВПО «Уральский Федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Научный консультант доктор философских наук, доцент
Круглова Татьяна Анатольевна

Официальные оппоненты:

Гашева Наталия Николаевна, доктор культурологии, доцент, ФГБОУ ВО «Пермский государственный институт культуры», профессор кафедры культурологии и философии;

Прокудин Дмитрий Евгеньевич, доктор философских наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет», доцент кафедры логики Института философии;

Смеюха Виктория Вячеславовна, доктор филологических наук, ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный университет путей сообщения», зав. кафедрой массовых коммуникаций и прикладной лингвистики

Ведущее учреждение ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет»

Защита состоится 24 декабря 2015 г. в 12 час. на заседании диссертационного совета Д 212.285.20 на базе ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» по адресу (620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал диссертационных советов, ком. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», <http://dissovet.science.urfu.ru/news2/>.

Автореферат разослан

« _____ » 2015

Ученый секретарь
диссертационного совета

Л.С. Лихачева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

АКТУАЛЬНОСТЬ ТЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Чтение как социокультурный феномен не является темой новой или мало исследованной. Тема чтения присутствует в зарубежных и российских социально-гуманитарных науках с момента их возникновения. Более того, эта тема на сегодня развивается такими отраслями социально-гуманитарного знания как библиотековедение, книговедение, антропология чтения, социология чтения, история чтения, философия чтения, эстетика чтения, экономика чтения. Естественно, что феномен чтения и литературная рефлексия чтения, потребность в чтении и удовольствие от чтения, мотивация чтения и специфика деятельности чтения, а также многие другие аспекты чтения предстают и решаются также и в качестве литературоведческих, педагогических и психологических проблем.

Признавая и уважая давние научные традиции, актуальность своего исследования чтения мы видим в изучении этого феномена в рамках системы культурологического знания, существующего в виде теории и истории культуры.

Чтение является одной из основополагающих подсистем культуры. Если культура в целом представляет собой мир общения, то чтение как подсистема культуры представляет собой социокультурную коммуникативную систему, в которой главной задачей на протяжении тысячелетий является передача и интерпретация социокультурной информации, обеспечивающие устойчивое существование и воспроизводство культуры как системы. Зародившись в далекой древности и развиваясь до наших дней, чтение меняло технику: от разглядывания отливок и развязывания узелков до проматывания текстов на экранах разнообразных гаджетов; менялись читательские навыки: от интерпретации знаков изобразительных к знакам символическим; менялись читательские идентичности: от жрецов и шаманов до «продвинутых пользователей», но *сущность чтения* на протяжении культурных эпох оставалась постоянной – *это способ освоения социокультурной информации, воплощенной в определенном тексте культуры (на уровне индивида), или универсальный способ существования социально-коммуникативной подсистемы культуры (на уровне культуры).*

В начале третьего тысячелетия в связи с развитием информационной культуры и становлением информационного общества, потребительской культуры и общества потребления, сосуществованием многих медиа, радикально изменилось отношение к книге и чтению. Все это культурным и научным сообществом стало осознаваться как ситуация, названная в

культурологии и в других социально-гуманитарных науках, «кризисом чтения»¹.

На наш взгляд ситуация «кризиса чтения» имеет два аспекта. Первый аспект связан с реальной практикой функционирования чтения, которая радикальным образом трансформировалась в современной культуре информационного и потребительского общества. Второй аспект связан с интеллектуальной практикой научного понимания чтения в определенных концептах, контекстах и смыслах.

Именно констатация «кризиса чтения» стала для нас отправным пунктом исследования. Нам стало важно *доказать гипотезу*, что данный кризис характеризует определенные аспекты чтения как социально-коммуникативной подсистемы культуры, и выявляет процесс становления нового качества этой подсистемы культуры в целом. В современной культуре постиндустриального общества традиционное книжное знаково-вербальное чтение переживает *ситуацию острой конкуренции* с новыми разнообразными практиками чтения, имеющими другие технико-технологические основания.

На наш взгляд, выход из интеллектуального кризиса понимания чтения может быть найден при анализе чтения не с точки зрения отдельных изменений, подмеченных частными науками, а в процессе целостного культурологического анализа системы чтения. Система чтения является функционирующей между объектно-объективной и субъектно-субъективной формами бытия культуры, связывающей их в процессах интерпретации и наделения смыслом объектов субъектами культуры. Это задает масштаб нашего взгляда на чтение. Культурологический анализ позволяет также задать особую культурно-историческую рамку исследованию качественно нового чтения, рассмотреть особенности существования чтения в новых социокультурных параметрах, названных М. Маклюэном *постграмотностью*².

Выбор в пользу понятия «*постграмотность*» для описания и систематизации современного типа чтения имеет определенные основания. Во-первых, термин с префиксом «пост» часто используется в социально-гуманитарном знании в качестве обозначения границы между старым и новым состоянием объекта в ситуации когнитивной неопределенности. Во-вторых, префикс «пост» важен для нас потому, что он логично соотносится со стадиями цивилизационного развития общества – *постиндустриальностью*, и культуры – в нашем случае с культурой *постмодернизма*, в которой происходит смешение различных языков,

¹ Дубин Б., Зоркая Н. Чтение в России в 2008 году: тенденции и проблемы. М.: Международный Центр Межбиблиотечного Сотрудничества, Левада-Центр, 2008.

² Маклюэн М. Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего / Перевод И.О. Тюриной. – М.: Академический проект: Фонд «Мир», 2005., С.96

текстов, стилей (то есть работают культурогенерирующие механизмы постграмотности), а также с определенным этапом в развитии интеллектуальной культуры, чьи схемы также являются для нас опорными для выяснения причин и последствий «кризиса чтения», – с философией *постструктурализма* в лице Р. Барта, Ю. Кристевой, М. Фуко и Ж. Деррида. В-третьих, именно у Маклюэна исследование грамотности обрело характеристики универсального культурного феномена и стало центральным в его концепции культуры; Постграмотность мы, вслед за Маклюэном, понимаем как качественную характеристику определенной культурной эпохи, когда одновременно сосуществуют различные технические средства медиа. Тем самым, концепт постграмотность для нас означает определенный временной интервал: мы рассматриваем чтение таким, как оно сформировалось и существует в 60-гг. XX века – 10-х гг. XXI века. Постграмотность, кроме того, является характеристикой субъектно-субъективной формы бытия культуры, что позволяет сфокусироваться на описании определенных качеств агента чтения как субъекта культуры – на способах и уровне овладения всеми знаково-текстовыми проявлениями медийно-информационной культуры в единстве/различиях всех разновидностей последней. Эти способы и уровни могут сегодня в рамках различных научных подходов описываться по-разному: мультиграмотность, полиграмотность, трансграмотность, но для нас важным является то, что всякий раз в форме грамотности схватываются субъектные модальности современной (постграмотной) знаково-текстовой (медийно-информационной) культуры.

Культурологический анализ позволяет описать не только функционирование системы чтения как связующего звена между объект-объективной и субъект-субъективной формами бытия культуры, но и рассмотреть систему чтения (социально-коммуникативную подсистему культуры) изнутри как *систему практик* (П. Бурдьё) в единстве таких характеристик, как снаряжение, навыки, практические задачи, идентичности, ценности, формы общения и институции, и выстроить на этой основе эмпирическую модель практик современного чтения.

Таким образом, наше исследование посвящено анализу системы практик чтения с точки зрения того, какие новые параметры чтения задает эпоха постграмотности, и как чтение в своем реальном повседневном существовании в виде культурной практики к этим условиям приспосабливается, как оно в этих условиях продолжает существовать, выполняя свои главные по отношению к субъекту культуры функции:

связывать людей при помощи текста, и осуществлять социальную организацию читающего общества.

Соответственно, первой причиной, по которой мы обращаемся к культурологическому исследованию чтения, является то, что в конце XX – начале XXI века под воздействием целого ряда социокультурных факторов: социально-экономических, технико-технологических, информационно-ментальных, политических и деятельностно-антропологических сформировалась *новая социокультурная ситуация постграмотности, которая нуждается в фиксации и аналитическом описании, а также выведении следствий, таких как эпоха постграмотности и постграмотное чтение.*

Вторая причина, по которой мы обращаемся к культурологическому исследованию чтения, это *необходимость систематизации и обобщения накопленных различными отраслями социально-гуманитарных наук знаний о чтении в методологии практик, позволяющей описать и оценить многообразие социокультурных функций и эффектов постграмотного чтения.* Настоятельная научная потребность системного культурологического описания навыков, снаряжения, практических задач читателей в актуальных практиках чтения, а также ценностей и идентичностей, форм самоопределения и общения в практиках современного чтения, в том числе анализ чтения на фоне многообразных досуговых практик, позволит нам *создать эмпирическую культурологическую модель современного постграмотного чтения,* что также является одной из необходимых и актуальных задач культурологии как науки.

Третья причина, по которой мы обращаемся к исследованию чтения, это *необходимость обоснования и содержательного наполнения понятия «практика чтения полиморфных сетевых и не-сетевых гипертекстов»,* и применения этого понятия для объяснения трансформаций, происшедших с практикой чтения в связи с технической революцией в сфере гаджетов для чтения, возникновением нового типа мультимедийных, и шире, полиморфных, текстов в современной культуре, а также формированием нового культурно-исторического типа чтения, связанного не столько с чтением и интерпретацией традиционных книжных текстов, сколько с переходом к чтению сложных, полиморфных текстов, возникающих в современной культуре: интернет-сайтов, сетевых дневников – блогов, арт-проектов, использующих различные языки культуры.

На протяжении длительной истории культуры сформировались и сегодня сосуществуют три *исторических типа практик чтения* – рисуночное (визуально-образное), книжное (бумажное словесно-текстуальное) и

компьютерное. Выявить специфику функционирования этих практик в новых технико-технологических и ценностно-смысловых условиях, объяснить механизм сосуществования этих практик в условиях эпохи постграмотности, выявить дополнительные коммуникативные возможности сочетания вербальных, визуальных и мультимедийных текстов – является насущной задачей изучения чтения современной культурологией.

Свое исследование мы посвящаем аналитическому культурологическому описанию чтения как социально-коммуникативной подсистемы культуры, которая сложилась под воздействием потребности в сохранении, передаче и понимании социокультурной информации, существовала на протяжении всей истории культуры, сохраняет, суммирует и умножает коммуникативные и социально-организующие возможности, связанные с деятельностью субъектов нового полиморфного сетевого и не-сетевого гипертекстуального чтения, и утверждает необходимость своего существования и развития в культуре настоящего, поскольку представляет собой универсальный и эффективный способ воспроизводства культуры в индивидах и поколениях.

СТЕПЕНЬ НАУЧНОЙ РАЗРАБОТАННОСТИ ПРОБЛЕМЫ

Поскольку проблемой нашего научного исследования является преодоление «кризиса чтения», в том числе в интеллектуальной научной сфере, то, прежде всего, необходимо выявить его корни, показать как в процессе исследования чтения самыми разными науками, их представители пришли к современному состоянию знания и к пониманию недостаточной разработанности научного инструментария: языка и методологии для описания современного состояния системы чтения.

Библиотекведение как научная дисциплина осуществляется, как правило, силами ученых-библиографов и библиотекведов Институтов культуры и искусств, самих библиотечных работников и менеджерами библиотечного дела на местах и в бюрократических инстанциях разных государственно-управленческих уровней. В современном отечественном библиотекведении выделяются наиболее авторитетные фигуры, такие как В.Я. Аскарова, Т.Б. Маркова, Ю.П. Мелентьева, и другие. Библиотечные работники первыми ощутили на собственном опыте отток читателей из библиотек, их переориентацию с услуг книговыдачи к услугам по копированию текстов, необходимость дополнения физических фондов, каталогов и услуг виртуальными электронными книгами, каталогами, услугами, а также необходимость государственного обеспечения технического переоснащения библиотек и потребность в разработке специальных государственных программ поддержки и развития чтения в

России. Библиотечные работники первые поставили вопрос о кризисе бумажного чтения в конце XX века и наиболее остро озабочены происходящей в начале XXI столетия технологической революцией в чтении, ее последствиями для библиотек как институций, которые в советской культуре были ведущими в организации чтения, а сегодня уходят на периферию, конкурируя с всемирной сетью Интернета, частными электронными библиотеками и Интернет-издательствами, сталкиваясь с проблемами законодательства об электронном книгообороте, электронных библиотеках и авторских правах в сети Интернет. Именно библиотековедение представляет сегодня апокалиптическую концепцию чтения, утверждающую сужение чтения как культурной практики, уменьшение количества читателей библиотек, старение библиотечных фондов и их уменьшающееся пополнение, обветшание библиотечных зданий, сокращение числа библиотек, как для взрослых, так и для детей. Для плодотворного решения встающих в новой социокультурной ситуации интеллектуальных проблем, на наш взгляд, библиотековедению не хватает обобщающего культурологического масштаба и видения перспектив развития.

Отечественное книговедение представлено наиболее авторитетными трудами как исследователей XIX – первой половины XX веков – Н.М. Лисовского, М.Н. Куфаева, Н.А. Рубакина, так и современных ученых – А.А. Беловицкой, Е. Мельниковой, Н.А. Селиверстовой и других. Книговеды сегодня выражают крайнюю позицию, связывающую сущность процесса чтения с его предметом, а в качестве предмета чтения рассматривающую исключительно книгу (фолиант). «Быть читателем значит читать книги; чтение журналов и газет не принимается во внимание»³. Соответственно, процесс чтения редуцируется исключительно до чтения книг, тогда как чтение любых других источников информации в этой системе отсчета чтением не признается. Эту позицию разделяет часть отечественных и зарубежных исследователей, в частности, Бартон и Гамильтон. Книговедение как комплексное междисциплинарное знание о книгах балансирует между философией культуры и философской антропологией, с одной стороны, и экономикой книгоиздательской деятельности и, шире, книгораспространения – с другой. Сюда же, к книговедению относятся сюжеты, исследующие историю книжной графики, полиграфического дизайна, технологии полиграфического книжного производства и т.п. специфику бумажной и электронной книги, иными словами, книговедение – это междисциплинарное

³ Дубин Б, Зоркая Н. Чтение в России в 2008 году: тенденции и проблемы. М.: Международный Центр Межбиблиотечного Сотрудничества, Левада-Центр, 2008. С. 27.

знание, объединяющее весь массив знаний о книге и книжной культуре. Книговеды также сегодня выражают пессимистические настроения в связи с уменьшением авторитета бумажного чтения, бумажной книгоиздательской деятельности, и культуры бумажной книжности в целом. Они уповают на возрастающую ценность в культуре будущего редкой книги, автографов, книг авантюрной судьбы, книг, отмеченных уникальным прикосновением автора, владельца или читателя. Ученые-книговеды настороженно относятся к новым технологиям книжного производства – таким, как электронные издательства, электронному книгораспространению, а более всего к появлению электронных книжных изданий и электронных «читалок», так называемых электронных книг. Книговедение как отрасль знания, имеющая свой специфический предмет и метод, обращается сегодня к богатству накопленного материала, но замыкается в исследовании традиционной книжной культуры.

История чтения – С.Р. Фишер, А. Мангуэль, Г. Кавалло, Р. Шартье, Л. Поластрон – показывает развитие процесса чтения в динамике: как развивались техники и приемы чтения при зарождении новых форм письменности, как менялись техники чтения в зависимости от материалов-носителей текста и от количества владеющих навыками чтения и письма (грамоты) людей, как изменялись не только тексты для чтения, но и субъекты чтения, как практика чтения охватывала новые земли и народы, и изменялась география и этнография чтения, как уничтожались и создавались книжные собрания и библиотеки. Соответственно, историки чтения выступают с позиций исторического оптимизма и в отношении новейшей электронной революции технологии чтения. Указывая на важность традиционной книги в культуре, они, прослеживая путь развития текстов от каменных стел и берестяных грамот, приветствуют появление электронных книг в качестве универсальных носителей изображений и текстов, а также выявляют ограниченность европоцентристского взгляда в оценке социальных процессов в сфере чтения, указывая на то, что чтение в Европе, вернувшись в формат элитарной культурной практики, в качестве массовой практики распространяется в Индонезии и Океании, в странах Центральной и Южной Африки, где коренные народы раньше не имели письменности и не знали письма и чтения. История чтения дает культурологии разнообразие исторической фактологии, но оно нуждается в систематизации при помощи продуктивных собственно культурологических методов: историко-морфологического и структурно-морфологического.

Отечественная социология чтения имеет сформировавшуюся научную школу и давние традиции изучения субъектов чтения, читательских

предпочтений и социальных ролей читающей публики в России. Первые идеи в области социологии чтения были высказаны Н. Рубакиным на рубеже XIX и XX веков: об отражении в предмете чтения социальных интересов читающей публики, о повышении социального статуса и социальной активности при помощи чтения, об эмансипирующей сознание роли чтения. Современную российскую социологию чтения представляют такие ученые как Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н., Каспэ И., Молок Ю., Паперно И., Рейтблат А. и др. Отечественная социология чтения сегодня развивается в трех аспектах: это социология читателя, социология автора и социология произведения. Именно эмпирической социологией чтения зафиксирован отказ массовой публики от практик досугового чтения, и переход к практикам служебного или функционального чтения: смс-сообщений, инструкций, рекламы, наружной информации, сокращение количества государственных и частных библиотек, изменение характера взаимодействия с книгой: от медитации к справочной информации, от коллективных обсуждений к личному функциональному использованию, зафиксирован и новый субъект российского чтения – средних лет городской интеллектualan-менеджер с зарплатой выше среднего, имеющий автомобиль и электронную книгу, и владеющий всеми видами современного чтения: «с листа», «с экрана» и «на слух». Однако именно социология чтения, констатировав факт «кризиса чтения», не оговорила его границы, и таким образом выводы представителей этого научного направления корректно распространять только на ситуацию с традиционным бумажным знаково-вербального чтением и прежде всего относительно художественной литературы. Научная социология чтения пока недостаточно занимается изучением новых практик чтения, отдав это знание на откуп прикладным исследованиям в области маркетинга электронных книг, электронных издательств и электронных библиотек, провайдеров Интернета и поисковых систем в Интернете. Социология электронного чтения в России еще ждет своего исследования и научного осознания социально-организующих форм воздействия таких практик.

Более продуктивна для культурологического понимания чтения теория социальных полей и практик, разработанная изначально во французской теоретической социологии П. Бурдьё и его учениками, а затем заимствованная и развитая отечественными социологами М. Бергом, В. Волковым, О. Хархординим, Н. Шматко. Эта теория в качестве своего предмета описывает поле литературы и чтение художественной литературы, она ничего не говорит нам собственно о новом электронном чтении, тем более о чтении современном, возникшем на пересечении информационной и

потребительской культуры постиндустриального массового общества. Но теория П. Бурдьё дает нам методiku описания чтения как подсистемы культуры и может быть продуктивно использована для построения эмпирической модели устройства и функционирования системы чтения и за пределами его классических версий. Выдвижение в центр методологии концепта «практики», переосмысленного, в отличие от классического марксистского понимания, в рамках *социальной прагматики*, позволило выявить динамические связи между структурами и процессами, а также характер и направление ценностных трансформаций в сфере культуры.

Одной из самых влиятельных отраслей в изучении чтения является постструктуралистский феминизм и феминистская литературная критика. Важно зафиксировать, что постструктурализм возникает примерно в то же самое время, когда Маклюэн формулирует свою концепцию постграмотности. Постструктуралистский феминизм сложился у Ю. Кристевой, ее учениц и последовательниц в Европе и США под влиянием идей Р. Барта и Ж. Деррида, осуществивших радикальную ревизию структурализма. В российской науке исследования женского чтения, начатые в рамках истории женщин, совместно Ж. Дюби, М. Перро и Н.Пушкаревой, были продолжены Г. Брандт, Е. Здравомысловой, Н. Купиной, М. Литовской, Н. Малышевой, А. Розенхольм, М. Рюткенен, И. Савкиной, В. Смеюхой, А. Темкиной, Е. Трубиной, О. Шабуровой, Н. Черняевой. Именно в данном направлении научных исследований была осуществлена радикальная критика логоцентристской концепции чтения и представлений о доминировании вербальных языков в культуре, высказаны идеи о полилоге и полиморфных текстах в культуре.

Наконец, в изучении чтения проявляются различные философские подходы. Вслед за А. Компаньоном мы можем представить многообразие философских трактовок чтения сквозь призму системы художественного общения: автор – произведение – воспринимающий, и разделить на три наиболее характерных группы: «при которых читатель вообще игнорируется», «при которых он учитывается или даже выдвигается на первый план», «при которых литература отождествляется с чтением»⁴. Первая философская позиция, утверждающая самодостаточность произведения, представлена французским структурализмом, московской формальной школой, классическим литературоведением, а также учеными *American New Critics*. Вторая философская позиция утверждает диалогическую (интерсубъективную, интертекстуальную) природу чтения.

⁴ Компаньон А. Демон теории. Литература и здравый смысл. \ Пер с фр. С. Зенкина. М.: Изд-во Сабашниковых, 2001.С. 170.

Ее сторонниками являются представители экзистенциалистской и феноменолого-герменевтической традиции: М. М. Бахтин, Г. Гадамер, Э. Гуссерль, А. Камю, Ж. П. Сартр, М. Хайдеггер. Наконец, третье направление философии чтения отстаивает свободу воли и автономность читательской интерпретации, и развивается во французском постструктурализме, в рецептивной эстетике Констанцской школы (Вольфганг Изер и Ханс Роберт Яусс), а также в американской теории уважения читателя (Reader Response Theory – Стенли Фиш). Исходя из проделанного обзора философии чтения, мы выявили, что при всех различиях в этих теориях, они имеют общий акцент на отождествлении чтения с чтением художественной литературы, исследуют содержательные особенности чтения художественного литературного произведения, особую позицию автора и читателя по отношению к произведению. Между тем задача исследователя системы современного чтения состоит в том, чтобы преодолеть представление о чтении как о деятельности по восприятию и интерпретации исключительно произведений художественной литературы.

Иной и наиболее продуктивный для объяснения современных изменений в системе чтения подход возник на основе семиотической науки. Представители данного подхода апеллируют к тексту как смысловой знаковой системе, а не к его материальному носителю. Оторвав однажды понятие «текст» от понятия «книга», структуралисты-семиотики решили сущностную задачу поиска содержательных оснований, а не внешних явлений культуры чтения. В информационную эпоху структурно-семиотический подход, для которого онтологической единицей знаково-символической реальности является знак, а способом существования – текст, является основным для объяснения и позитивного понимания процессов, происходящих в культуре, где письменные, аудиальные и визуальные тексты и способы коммуникации существуют одновременно, и, вступая в конкурентную борьбу, слились в едином информационном потоке виртуальной реальности. Признавая любые разновидности сообщений коммуникацией, а совокупность любых реализующих сообщение знаков текстом, а также признавая равноправие текстов, созданных при помощи разных материальных носителей и культурных кодов, можно разрешить главный вопрос современной ситуации чтения (что будет с книгами и чтением в электронную эпоху) в позитивном ключе. Труды Р. Барта, Г. Кресса, Ю. Лотмана, У. Эко и их последователей дают нам для этого достаточно оснований.

На основе этого направления в философии впоследствии возникла возможность нового понимания чтения в концепциях медиа-культуры М.

Маклюэна, информационного общества и информационной культуры М. Кастельса, технологической революции и ее социальных и культурных последствий Г. Рейнгольда и С. Коэна, перехода к новым информационным формам власти в обществе знаний О. Тоффлера, наблюдений над трансформациями информационных потоков и способов функционирования культурной информации в современном обществе: на уровне музыкальной культуры – В. Мартынова, Г. Тампаевой, визуальной культуры – О. Гавришиной, В. Савчука, медиакультуры – Д. Дондурей, В. Зверевой, Н. Кирилловой, Е. Кузнецовой, О. Сергеевой, сетевой культуры – С. Верховского, Г. Зверевой, А. Костиной, Н. Тальнишних, информационной культуры – Н. Гендиной, В. Миронова, Е. Перевозчиковой, Д. Прокудина, Д. Струкова.

Именно в работе М. Маклюэна впервые говорится о том, что одновременное существование различных технических средств передачи информации, созданных к середине XX века, а именно телеграфа, телефонии, радио и телевидения, наряду с книгами, газетами и журналами, создало новые культурные условия чтения, которые М. Маклюэн назвал эпохой постграмотности (*post-literacy*). Нам представляется, что эта *идея М. Маклюэна о том, что меняются не только технико-технологические средства и условия существования информации в культуре, но меняется сам тип культуры*, и, соответственно, все механизмы, характеризующие функционирование нового типа культуры в социуме, и в том числе, механизм приема-передачи и интерпретации информации – чтение, является ключевой для разрешения так называемого «кризиса чтения» в интеллектуально-теоретическом ключе.

С возникновением массового информационного общества и общества потребления в исследовании чтения возникают новые повороты. Каждый из них тесно взаимодействует со структурно-семиотическим пониманием культуры и текста. Это такие тематизации как исследование электронного чтения, институций чтения в Интернете, особенностей существования электронных библиотек и сетевой литературы. Все они исходят из исследовательских программ, заданных трудами М. Маклюэна, М. Кастельса, Г. Рейнгольда, О. Тоффлера и других основоположников философии медиа. Среди ученых, которые исследуют современные формы существования электронного чтения, необходимо назвать Т. Венедиктову, О. Гавришину, Г. Гусейнова, И. Засурского, В. Звереву, Г. Звереву, С. Корнева, С. Кузнецова, К.Ю. Мьера, А. Рейтблата, М. Самохину, В. Смеюху, В. Сонькина, В. Харитонову, Р. Шартье, У. Эко. Эти авторы исследуют электронное чтение с позиций научно-технического оптимизма в рамках социологии, истории,

экономики и антропологии электронного чтения. Они выделяют новые аспекты в исследовании чтения, почти не пересекаясь с прежней мыслительной традицией. Особенностью данного направления является интерпретация чтения как непосредственного взаимодействия читателя с текстом. Не случайно поэтому, что одним из основоположников структурно-семиотического толкования медиа является У. Эко с его концепцией «открытого произведения», «рождения читателя» и «отсутствующей структуры текста, руководящей чтением».

Теория и история культуры как наука, дисциплинарно оформившаяся намного позже, чем определилась проблематика чтения, и сложились основные подходы к анализу чтения, до сих пор находится в поиске своего специфического дискурса в исследовании чтения. Л. Закс пишет, что «в культурологическом дискурсе все начинается с культуры»⁵. Это означает, что на систему чтения (как одну из подсистем культуры) культурология должна посмотреть с точки зрения того, как процессы, происходящие в культуре в целом, отражаются на процессах чтения, и как взаимосвязаны специфика чтения и его особая миссия в культуре. Эти задачи решаются системным видением культуры и социокультурных оснований и функций чтения (коммуникативной, ценностной, идентифицирующей, социально-организующей) в культуре, а также семиотическим, структурно-морфологическим и историко-морфологическим подходами. Для культурологической науки сегодня необходимо установить, остается ли неизменным понимание сущности чтения, какие новые черты приобрело чтение в современной культурной ситуации, выявить, являются ли накопленные изменения в культуре ведущими к формированию нового культурно-исторического типа чтения. Затем осуществить обратное интеллектуальное движение и посмотреть, что нового в систему культуры вносит подсистема современного чтения, как посредством чтения и его специфики изменяются в современной культуре ценности и идентичности; наконец, как культурная практика чтения влияет на современную социальность. Как с прикладной, так и с теоретической точки зрения, для объяснения особенностей современной культуры и современного чтения назрела насущная необходимость объяснить многообразие одновременно и параллельно существующих форм чтения как отличительную особенность современной культуры; необходимость разработки, содержательного наполнения и использования в качестве методологических оснований

⁵ Закс Л. Общество в культурологическом дискурсе: к проблеме «культурное vs социальное», или культурология vs социология. С. 145-156. // Социология: современность и перспективы: сборник научных статей / ред.-сост. Г. Е. Зборовский. - Екатеринбург, 2013. С.153.

объяснения чтения таких понятий, как постграмотность, эпоха постграмотности и постграмотное чтение.

Последний шаг, который нам необходимо сделать в обзоре многообразной социально-гуманитарной научной литературы о чтении, это рассмотреть процессы, которые происходили на пересечении проблематики культурологии и семиотики. В 1970-80-х годах российские и зарубежные культурологи и семиотики расширили границы текста за пределы словесности, включили в текст культуры визуальность, и другие знаковые формы. Ю.М. Лотман разработал семиотическую концепцию культуры, где культура понималась как текст, а каждый из ее компонентов – знак в определенной системе языка. Единственный логический шаг, который не был сделан Ю.М. Лотманом и его учениками, а также зарубежными семиотиками, это утверждение, что чтение – это способ существования культуры как текста. В современной социокультурной ситуации постграмотности мы считаем этот логический шаг абсолютно последовательным и неизбежным, и предлагаем расширительное понимание *чтения* в качестве *универсального способа существования социально-коммуникативной подсистемы культуры как текста и практик его освоения*.

ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Объект исследования – чтение как феномен культуры в эпоху постграмотности.

Предмет исследования – практики чтения в эпоху постграмотности, их функции в современной культуре.

ЦЕЛЬ РАБОТЫ: системно-функциональный культурологический анализ чтения в эпоху постграмотности.

Этим определяются **ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ РАБОТЫ:**

1. Разработать методологическую модель культурологического анализа чтения: взять за основу системное культурологическое видение, включающее в себя историко-типологический, структурно-функциональный, историко-морфологический, структурно-морфологический, дискурсивный, аксиологический и институциональный подходы, а также культурологически переосмысленную теорию практик;
2. Определить параметры культурологического анализа современного культурно-исторического типа чтения и осуществить концептуальный анализ понятий грамотности и постграмотности;
3. Выявить и охарактеризовать отличительные особенности культуры в эпоху постграмотности в качестве фона для современных практик чтения;

4. Выработать методiku построения эмпирической модели системы постграмотного чтения как системы культурных практик: описание снаряжения, практических навыков, практических целей агентов, способов построения идентичности, трансформации ценностей, формирования институций чтения;
5. Создать морфологию основных видов постграмотного чтения, характерных для современной культуры: определить основания структурирования культурных практик чтения, выявить параметры их сравнения;
6. Дать культурологическую характеристику нового постграмотного культурно-исторического типа чтения в сравнении с традиционным бумажным знаково-вербальным чтением с опорой на особенности социально-коммуникативной подсистемы современной культуры: авторы – тексты – читатели;
7. Проанализировать социально-организующие функции практик постграмотного чтения: преобразование ценностей, изменение идентичностей, усложнение форм общения, создание новых институций в современной культуре;
8. Вычленить многообразие и раскрыть особенности манифестаций постграмотного чтения полиморфных сетевых и не-сетевых гипертекстов, созданных в современной культуре.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Наиболее общей интеллектуально-теоретической рамкой для построения нашей концепции является *системно-культурологический подход*, исходящий из понимания культуры как системного целого со своими закономерностями, структурами, процессами и свойствами, так или иначе определяющего состояние, функционирование и эволюцию конкретных его подсистем, компонентов и элементов, в нашем случае – практик современного чтения. Вслед за М.С. Каганом, мы рассматриваем культуру как систему взаимодействий субъектно-субъективных и объектно-объективных подсистем, или человеческой, предметной и функционально-деятельностной модальностей культуры⁶. С этой точки зрения культура, семиотически понимаемая как текст, 1) есть нечто предметное, то есть способное существовать независимо от сознания и определяющее условия существования субъекта, живущего сегодня в мире разнообразных текстов; 2) с точки зрения функциональной модальности создает у субъекта культуры потребность декодировать текстовые сообщения, то есть «читать» их; 3) в то

⁶ Каган М.С. Философия культуры. СПб: Петрополис, 1996. С. 45.

же время культура, взятая в ее человеческой модальности, предстает перед нами как *грамотность – способность субъекта культуры «читать» и «писать», а в широком смысле слова – создавать и декодировать тексты культуры*. Наша задача – рассмотреть, каким образом существует в современной культуре данная подсистема: тексты – чтение — грамотность. Системно-культурологическая интеллектуальная рамка задает последовательность нашего исследования: глава 1 описывает проблему современной человеческой модальности культуры – «грамотность», глава 2 – исследует конкретные особенности функционирования – «практики чтения», глава 3 анализирует специфику предметной модальности современной культуры чтения – «тексты, манифестирующие новое чтение».

При разработке методологии анализа чтения с точки зрения человеческой модальности культуры исходными теоретико-методологическими основаниями стали представления М. Маклюэна о постграмотности как определенной социокультурной эпохе, определившей временные рамки интересующего нас феномена (60-е годы XX века – начало XXI века), а также дискуссии о различных формах современной грамотности его последователей, таких как П. Албертс, Н. Гендина, В. Григорьев, Б. Дюмон, И. Колесникова, Е. Кузьмин, К. А. Миллс, А. Роджерс, Дж. Сандерс, развивающих данный концепт в тематически-смысловых полях философии языка, образования, периодизации культуры.

Анализ концепта «постграмотность» в текстах книг и статей выше указанных авторов был проделан на основе методологических установок, высказанных Л.Г. Бабенко, В.В. Карасиком, Д.С. Лихачевым, А.М. Плотниковой, Ю.С. Степановым. Это позволило обосновать и ввести концепты «постграмотность», «эпоха постграмотности», «постграмотное чтение».

Для описания функционирования социально-коммуникативной системы практик постграмотного чтения в системном взаимодействии с объектно-объективной и субъектно-субъективной формами бытия культуры, мы опирались на диалогическую концепцию культуры, идеи о неразрывности процессов письма и чтения в культуре М.М. Бахтина, П. Байяра, В. Библера, М. Бланшо, Э. Гуссерля, Г. Гадамера, А.Ф. Еремеева, Л.А. Закса, М.С. Кагана, Б.О. Кормана, Г. Кресса, Ю.М. Лотмана, М. Маклюэна, Ж.П. Сартра, У. Эко.

В качестве основного методологического принципа, позволяющего упорядочить разнообразный эмпирический материал социально-гуманитарных наук о современном чтении как функционально-деятельностной стороне социально-коммуникативной подсистемы культуры,

и его особенностях в условиях эпохи постграмотности, мы используем теорию практик, разработанную П. Бурдьё. От других методов исследования теории практик отличаются интересом к микроуровню культурных процессов. Согласно установкам П. Бурдьё, *культурные практики имеют статус события, изменяющего социальный мир*. Таким образом, теории практик имеют важное методологическое преимущество перед традиционными объективистскими моделями. Теория практик существенно дополнена представлениями о дискурсивных практиках М. Фуко, принципами деконструкции Ж. Деррида, «женского» чтения Ю. Кристевой и анализа идентичностей в эпоху «изменчивой современности» З. Баумана. Это позволяет создать многоуровневую культурологическую эмпирическую модель практик постграмотного чтения (описать социально-коммуникативную подсистему культуры) в единстве таких характеристик как снаряжение, навыки, практические задачи, идентичности, ценности, формы общения и институции.

Структурно-морфологический подход был использован для сравнительного описания и систематизации практик чтения, сосуществующих в современной культуре. При разработке представлений о морфологии современного постграмотного чтения, определяющими научную позицию работами стали труды о языках культуры, текстах, созданных на этих языках и средствах трансляции текстов – посредниках, исследователей социальной и дискурсивной семиотики таких, как Ю. Лотман, Teurn A. van Dijk, G. Kress, R. Leite-Garcia, Theo van Leeuwen, V. Cape, M. Kalantzis, J. M. Swales. В создании исторической морфологии нам помогли труды исследователей истории, социологии и антропологии чтения: Ж. Ле Гоффа, Ж. Дюби, Б. Дубина, М. Загидуллиной, Н. Зоркой, К. Кавалло, А. Мангуэля, Ю. Мелентьевой, А. Рейтблата, С. Фишера, В. Ученовой, Р. Шартье.

Для разработки методологии исследования предметной модальности культуры чтения во всем многообразии полиморфных текстов в современной культуре, причин и процессов появления и функционирования таких текстов в сетевой и не-сетевой среде, использованы семиотический и морфологический методы, а также принципы постструктуралистской феминистской критики. При обращении к феномену полиморфных текстов и «женского» чтения концептуальными источниками для нас явились труды Ж. Деррида, Л. Иригарэ, И. Жеребкиной, Ю. Кристевой, И. Савкиной, В. Смеюхи, Э. Сиксу, Ш. Фельман, М. Фуко.

В результате проделанной методологической работы системно-культурологический подход был существенно уточнен и конкретизирован в соответствии с особенностями и спецификой предмета исследования,

стратегической целью – системно-функциональным описанием практик постграмотного чтения, а также тактическими исследовательскими задачами.

НАУЧНАЯ НОВИЗНА исследования:

Проведен системно-функциональный анализ чтения как феномена культуры в эпоху постграмотности:

1. *Создана методологическая модель культурологического анализа чтения.* За основу взято системное культурологическое видение чтения, включающее в себя историко-типологический, структурно-функциональный, историко-морфологический, структурно-морфологический, дискурсивный, аксиологический и институциональный подходы, а также культурологически переосмысленную теорию практик; чтение исходно определено как социально-коммуникативная подсистема культуры.
2. *Выработана методика построения эмпирической модели системы постграмотного чтения как системы культурных практик:* описано снаряжение, практические навыки, практические цели агентов, способы построения идентичности, трансформации ценностей, формирование институций чтения. Социально-коммуникативная система практик чтения впервые явилась предметом специального культурологического анализа.
3. Из многообразия подходов к исследованию практик выделено две идеи, которые дают понимание *единства прагматического осмысления феномена чтения: «фонový» характер и «раскрывающая» способность практик.* Чтение рассмотрено на фоне разнообразия досуговых культурных практик в современной России. Обнаружено и доказано, что все *фоновые культурные практики* мы можем *разделить на конкурирующие с практикой чтения (чтение/чтение), сопутствующие практике чтения (чтение-манипуляция/чтение) и поддерживаемые /поддерживающие культурную практику чтения (чтение-действие/чтение).*
4. В методологии анализа чтения как практики в эпоху постграмотности проанализированы такие атрибуты практики окказионального, служебного и досугового чтения, как *снаряжение, практические задачи, программы и навыки читателя,* что характеризует культуру данных видов практик чтения; выявлено *радикальное изменение снаряжения (в том числе программ) для чтения, морфологическое многообразие (полиморфизм) текстов для чтения и разнообразие и усложнение, комбинаторный характер навыков чтения современных читателей.*

5. Проведен культурологический анализ *социально-организующей роли практик* постграмотного чтения. В культурной практике постграмотного чтения выявлен онтологический сдвиг, состоящий в изменении способов существования читателя и его взаимодействия с текстом.
6. Охарактеризованы социокультурные трансформации, произошедшие в эпоху постграмотности: *ценностный сдвиг* от чтения логоцентрических текстов патриархальной культуры к полиморфным текстам эпохи постграмотности; изменение *модели построения идентичности*: присвоение идентичности, конструирование идентичности, конструирование виртуальной мульти-идентичности; выявлены *формы самоопределения личности* в процессах постграмотного чтения: экзистенциальное самоопределение, самоопределение в пределах социального статуса, постоянно верифицируемое и подтверждаемое самоопределение в авторитетных сообществах в социальных сетях.
7. Выявлены параметры сравнения различных культурных практик чтения, *ставшие основаниями морфологического структурирования чтения в современной культуре*: языки культуры, средства трансляции языка и функциональное предназначение текста.
8. *Определены хронологические и содержательные параметры культурологического анализа современного культурно-исторического типа чтения в виде понятий грамотность и постграмотность*. В отечественную теорию и историю культуры введен *концепт постграмотность*, семантика которого сформировалась внутри англо-американской философии языка, медиа и образования. Осуществлен концептуальный анализ понятий грамотность и постграмотность, а также описание феноменов грамотности и постграмотности как подсистем культуры. Концепт постграмотности использован для раскрытия устойчивых и закономерных связей между множественностью языков культуры, полиморфностью текстов, характером чтения и социокультурным функционированием индивиду-читателя в современной культуре.
9. *Обосновано понятие эпохи постграмотности*. В силу того, что такой признак современной культуры, как постграмотность, проявляется и на уровне качества субъектов и их субъективности, и в отношении субъектов культуры к текстам, содержащим культурную информацию, и на уровне характеристики текстов – универсальных носителей информации, запечатленной субъектами в текстах, и на уровне технико-технологических средств, используемых в коммуникационных

процессах субъектами современной культуры, *отрезок культурной истории, когда произошел системный сдвиг социокультурных качеств чтения, мы называем эпохой постграмотности.*

10. Дано расширительное определение чтения в эпоху постграмотности: чтение – это универсальный способ существования социально-коммуникативной подсистемы культуры. Выявлен и проанализирован возникающий в эпоху постграмотности особый культурно-исторический тип постграмотного чтения, основанный на полиморфизме текстов, на мультимедийных технологиях как основном канале трансляции текстов и на смешении всех способов чтения: визуального, аудиального и сенсорного в едином мультимедийном чтении.
11. Культурно-историческому типу постграмотного чтения дана культурологическая характеристика с точки зрения социально-коммуникативной подсистемы современной культуры: авторы – тексты – читатели, в сравнении с традиционным бумажным знаково-вербальным чтением.
12. Выявлены соотношения и зависимости между новыми технико-технологическими средствами создания текстов и чтением. Возникают новые качества: тексты становятся мультимедийными, интерактивными, полиморфными, гипертекстами, а чтение – не только книжным, газетно-журнальным, но и наряду с этим экранным и мобильным, мультимедийным, интерактивным, гипертекстуальным.
13. Проблематизирован с позиций концепции постграмотного чтения сложившийся в истории культуры к настоящему моменту полиморфизм культурных текстов (одновременное сочетание визуальных, аудиальных и сенсорных элементов в одном тексте). Выявлены смысловые и интонационные особенности восприятия полиморфных текстов современной культуры в практике постграмотного чтения; осуществлен анализ манифестаций практик постграмотного чтения, в том числе и в современном искусстве.

ПОЛОЖЕНИЯ, ВЫНОСИМЫЕ НА ЗАЩИТУ:

1. Чтение – это универсальный способ существования социально-коммуникативной подсистемы культуры как текста. Социокультурная система чтения есть система практик. Практики чтения на уровне индивида есть процесс извлечения значений и смыслов из различных текстов культуры, на уровне культуры есть способ существования социально-коммуникативной подсистемы культуры, на метауровне – способ функционирования культуры как текста.

2. Практики чтения имеют свои *морфологические особенности*, определяемые факторами языка – текстов – медиа – социокультурными функциями. Сравнение морфологических особенностей практик современного чтения является основанием для эмпирической структурно-морфологической и историко-морфологической модели практик постграмотного чтения в современной культуре.
3. *Социокультурным основанием, контекстом и фоном практик* чтения является современная культура информационного и потребительского общества, в которой особую роль приобретают практики информационного досуга и развлечений.
4. Постграмотность как культурный феномен – *это одновременное сосуществование и востребованность всех форм информационно-коммуникативной грамотности*, выработанных на протяжении истории культуры к настоящему моменту, включая грамотность в отношении языков культуры, грамотность в отношении использования медиа, грамотность создания и восприятия текстов культуры. Постграмотность как характеристика человеческой модальности культуры – это культура созидания и освоения многообразных текстов на основе традиционных и современных средств воплощения и передачи информации. Постграмотное чтение – это социокультурная система практик извлечения значений и смыслов из совокупности разной природы знаков в мультимедийных сетевых и полиморфных не-сетевых гипертекстах культуры.
5. Эпоха постграмотности – это культурно-исторический отрезок времени, границей которого стал *системный сдвиг социокультурных качеств чтения и, как следствие, качеств субъектов культуры*. Эпоха постграмотности характеризуется различными сферами реализации грамотности (лингвистическая, визуальная, телевизионная, медийная) и продуктами грамотности (книга, фильм, танец, статистическая таблица, электронное табло, диаграмма, и прочее) В плане социальной прагматики это означает *эффективный доступ к социально значимой информации*, когда способность к обработке и освоению многоканальной информации становится важнейшим квалификационным качеством субъекта культуры.
6. Между свойствами постграмотных практик чтения и *обновлением социально-организующей роли чтения в культуре*, существует взаимозависимость, следствием которой является преодоление логоцентризма патриархатной классической системы чтения, конструируется виртуальная мульти-идентичность, осуществляется

постоянно верифицируемое и подтверждаемое в авторитетных сообществах в социальных сетях самоопределение.

7. Сущность трансформации культурных практик чтения, их содержания и роли в эпоху постграмотности состоит в следующем: переход от преимущественно книжного, газетного и журнального чтения к чтению экранному и мобильному; переход от задач социального продвижения к социальному самоопределению, от образования к креативному труду и /или развлечению, от устойчивых идентичностей к ускользающим и постоянно конструируемым, от патриархатных ценностей логоцентризма к ценностно-смысловому полиморфизму; усложнение культурного фона чтения, в котором чтению приходится конкурировать с одними практиками (просмотром телепередач), развиваться параллельно с другими (креативным трудом, общением и развлечением с использованием компьютерной техники), поддерживать и быть поддержанным третьими – (путешествиями и их описаниями).
8. Манифестациями нового не-логоцентрического постграмотного чтения являются мультимедийные тексты и гипертексты сетевой реальности: сайты, блоги, и полиморфные гипертекстуальные продукты не-сетевой реальности: арт-проекты.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ РАБОТЫ определяется возможностью:

- использовать предлагаемую социокультурную модель чтения в качестве исследовательской программы;
- применять методики, положения и выводы в дальнейших теоретических исследованиях сущностных особенностей культуры в эпоху постграмотности как одной из многообразия возможных спецификаций модерности;
- осуществить на основе культурологического осмысления культурной практики чтения и ее трансформаций в культуре эпохи постграмотности обновление курсов по теории и истории культуры, эстетике, социологии культуры, теории медиа-культуры и современных арт-практик;
- положить в основу социокультурного прогнозирования и моделирования процессов развития культуры в современном российском обществе предложенную модель чтения как социально-коммуникативной подсистемы культуры.

АПРОБАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ состоялась в процессе чтения лекционных и специальных курсов по «Культурологии».

Истории и теории мировой культуры», «Основам эстетики и этики», «Эстетике и этике рекламы», «Социологии искусства», «Институциям современной художественности», «Истории и методологии социально-гуманитарных наук», в процессе разработки мультимедийных интерактивных учебных курсов для смешанного и открытого образования по «Культурологии. Истории и теории мировой культуры», «Основам эстетики и этики», «Информационной этике», «Светской и религиозной этике», в процессе разработки в составе группы ученых концепции развития культуры Свердловской области на 2015-2020 годы.

Обсуждение промежуточных и итоговых результатов исследования состоялось на следующих научных конференциях: *International Scientific Conference Worldwide trends in the development of education and academic research*. Sofia, 2015; *International Scientific Conference Revision of Modern Aesthetics*. University of Belgrad, Faculty of Architecture. Belgrade, 2015; Научно-практическая конференция «Чтение в XXI веке: традиции и тенденции (к 115-летию Свердловской областной универсальной научной библиотеки им В.Г. Белинского)». Екатеринбург, Май 2014; *International Conference in Education and Society Science 2014*. 3-5 February. 2014, Istanbul, Turkey; 19th *International Congress of Aesthetics. Aesthetics in action*. Krakow, 2013, Poland; «Культурні трансформації в синхронії та діячності: теорія і практика» (до 20-річчя кафедри культурології). Міжнародної наукової конференції 24-27 вересня 2012 р., Национальный университет «Кієво-Могилянська Академія», м. Київ, Україна; Культурологические чтения 2012 «Культурное наследие и перспективы социокультурного развития России: визуальные формы межкультурных коммуникаций – прошлое и настоящее», УрФУ, Екатеринбург, 3-6 апреля 2012; «Креативность в пространстве традиции и инновации. Третий Российский Культурологический Конгресс с международным участием. 27-29 Октября 2010, Санкт-Петербург, Российский институт Культурологии; «Современная молодежь и проблемы жизненных ценностей: философский и научно-культурологический анализ», 15-16 апреля 2010, Киев, Украина, Киевский Национальный лингвистический университет; «Философия и будущее цивилизации». Четвертый Российский философский конгресс. МГУ, Москва, 2005 и на многих других. Всего около 60 конференций за последние 10 лет.

Текст диссертации и автореферата неоднократно обсуждался на заседаниях кафедры этики, эстетики, теории и истории культуры ИСПН УрФУ.

Ряд статей и глав в монографии был подготовлен в рамках выполнения следующих Грантов:

- Госконтракт № П433 от 12.05.2010 г. В рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 годы» «Нравы как социокультурный феномен в модернизирующейся России».
- НИР «Множественная модерность мультикультурной Евразии (в рамках проблематики УрМИОНа) согласно договору № 6.1006.2011 (УрФУ). Фундаментальные исследования. Направление «Общественные и гуманитарные науки».

СТРУКТУРА И ОБЪЕМ РАБОТЫ. Структура работы определяется движением культурологической мысли от абстрактного: общих структурно-семиотических идей о культуре как тексте, чтении как способе существования культуры и грамотности как возможности субъекта культуры прочесть многообразие текстов, к конкретному: социокультурной системе чтения как системе практик, осуществляемых в культуре и имеющих определенные параметры для анализа и сравнения; выполняющих специфичные социально-организующие культурные функции: коммуникативную, аксиологическую, идентифицирующую, институционализирующую; манифестируемых в современных полиморфных сетевых и не-сетевых гипертекстах культуры. Диссертация состоит из введения, 3 глав и заключения (общий объем составляет 292 страницы), а также списка литературы, состоящего из 385 источников, из них 36 англоязычных источников.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется степень ее разработанности, формулируется рабочая гипотеза о том, что *чтение как социально-коммуникативная подсистема культуры представляет собою многоуровневую, полифункциональную, нелинейно и разнонаправленно развивающуюся сложно организованную систему практик.*

Основная задача **ПЕРВОЙ ГЛАВЫ «ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧТЕНИЯ В ЭПОХУ ПОСТГРАМОТНОСТИ»** – поиск интеллектуальных оснований и становление описательных и объяснительных схем для построения оригинальной концепции чтения, разработка аналитического языка для предлагаемого культурологического изучения чтения, позволяющего преодолеть представления о «кризисе чтения». Поскольку в предложенном культурологическом исследовании все начинается с анализа человеческой модальности современной культуры чтения – «грамотности», то и поиск

интеллектуальных оснований для создания культурологической модели современного чтения мы начинаем с анализа возникших в культуре последних пятидесяти лет новых форм грамотности.

Первый параграф «Постграмотность как состояние современной культуры, определяющее трансформации чтения» посвящен концептуальному анализу понятия постграмотности (М. Маклюэн), а также выявлению постграмотности как особенного проявления грамотности в современной культуре, ее отличительного свойства, которое системно определяет трансформации чтения.

Концепт постграмотности эксплицирован из текстов М. Маклюэна, статей П. Албертс, Н. Гендиной, В. Григорьева, Б. Дюмонта, И. Колесниковой, Е. Кузьмина, К. А. Миллс, А. Роджерс, Дж. Сандерс, и других исследователей. Ядро понятия состоит в том, что постграмотность – это исторический тип грамотности. Периферические значения постграмотности: 1) одновременное сосуществование и сочетание всех видов грамотности; 2) грамотность, приобретенная по окончании формального образования; 3) грамотность, приобретаемая взрослыми на протяжении всей жизни; 4) грамотность, приобретаемая по индивидуальной траектории; 5) грамотность, делающая ее носителя свободным и независимым творцом культуры. Контекстуальные значения концепта, которые мы будем использовать в нашей работе: *пост-грамотность – это специфическое состояние культуры, характерное для эпохи сосуществования 1) всех форм грамотности; 2) до-письменных, письменных, аналоговых и цифровых медиа; 3) различных языков в одном тексте, то есть полиморфизма текстов.*

В качестве условий возникновения эффекта постграмотности в современной культуре рассматриваются информационные технологии и вызванные ими социокультурные изменения, приведшие к формированию информационного общества, где наиболее востребованными формами грамотности оказываются информационная и компьютерная, мультимедийная грамотность, а также возникновение потребительского общества и потребительского отношения к чтению; в социокультурных связях между информационным и потребительским обществом изменились функции чтения и представления о грамотности, как особом качестве субъекта чтения.

Грамотность, действительно, в период до модерна, описывала культурные процессы только в одном сегменте общества – в его элите, и семантика понятия «грамотность» полностью определялась умением читать и писать. Как известно, традиционное общество – общество молчаливого большинства. Процессы социализации осуществляются в традиционном

обществе не через процедуры грамотности, а иными способами: непосредственной передачей опыта от поколения к поколению (обучение мастерству, ремеслу и т.п.), устной фольклорной или сакральной традицией, ритуалами и обрядами, а также совместным участием в социально значимых событиях. То, что называется чтением, не описывает эти процессы, а имеет отношение к узкому слою агентов и их специализированным способам делать культуру и участвовать в социальной жизни. Это не означает, конечно, что чтение вообще не играло культурной роли в приобщении к культуре большинства неграмотных: фрески, архитектура, проповедь, – но это все принципиальным образом отличалось от классического книжного чтения и его социализирующих эффектов. И только *в модерне грамотность становится универсальным и доминантным способом вхождения субъекта в мир*. Ни один социальный процесс: первичная социализация, повышение или изменение социального статуса, успешность абсолютно во всех сферах жизни и культуры, – не может осуществиться, минуя грамотность. Естественно, понятие грамотности предельно расширяется, тяготея по объему ко всей инфраструктуре и культуры, и общества. Язык здесь подсказывает: постепенно появляются понятия "политической грамотности", "сексуальной грамотности", "экономической грамотности" и т.п. Собственно, весь проект модерн, все его составляющие элементы, по Хабермасу: рациональность, автономность субъекта, индустриализация, рост образования, доминирование идеологии над религией и обычаем, демократизация и т.д. – не могут сами по себе функционировать, не обеспеченные субъективным уровнем освоения: навыками, знанием, компетенцией, а это и называется грамотностью. Вот это максимально *широкое и универсальное толкование грамотности* придает работе культурологическую оптику, так как это новый и продуктивный ключ к описанию всей системы современной (модерной и постмодерной) культуры. Иначе говоря, культура модерна и широко понимаемая грамотность – две стороны одного процесса, с необходимостью определяющие друг друга.

Поэтому, так или иначе, каждая из наиболее влиятельных концепций современной культуры касается проблематики чтения: концепции медиакультуры М. Маклюэна, информационного общества и информационной культуры М. Кастельса, технологической революции и ее социальных и культурных последствий У. Эко, Г. Рейнгольда и С. Козна, перехода к новым информационным формам власти в обществе знаний О. Тоффлера. Однако никто из этих авторов не делал феномен чтения предметом своего специального анализа.

Последовательно осуществив культурологическое описание изменений представлений о чтении в новых социокультурных условиях постграмотности, дав описание концепта постграмотность, постграмотности как социокультурного явления, эпохи постграмотности – времени в котором мы живем и исследуем процессы чтения, автор сформулировал сущность этих процессов и явлений следующим образом.

Постграмотность – это отличающее современную культуру сосуществование и системное (взаимосвязанное) функционирование всех сформировавшихся в истории культуры форм грамотности, на основе компьютерных технологий и масс-медиа. Эпоха постграмотности – это определенный период культуры модерна (конец XX – начало XXI вв.). Эта эпоха характеризуется *сосуществованием всех форм грамотности, когда-либо выработанных человечеством, и активным овладением субъектом культуры разнообразными формами грамотности в свободных, востребованных культурной средой сочетаниях, осуществляемым на протяжении всей жизни субъекта, так что такое овладение делает субъекта культуры ее независимым и активным творцом.*

С точки зрения грамотности, семиотически понимаемая культура – это система текстов, порождающая задачи читать, то есть де-кодировать смыслы текстов, выявлять их контекстуальные и обобщенные значения.

Грамотность – это сложная система возможностей субъекта культуры прочесть все тексты, порожденные культурой, то есть их воспринять, де-кодировать и интерпретировать.

Эпоха постграмотности – это культурно-исторический отрезок времени (культурная эпоха), характеризующийся 1) одновременным сосуществованием в единой культуре различных толкований грамотности (постграмотность, мультимедийная грамотность, информационно-медийная грамотность); 2) многообразием сфер реализации грамотности: а) языковые сферы: лингвистическая, визуальная, телевизионная, медийная и другие, б) социальные сферы: информационная, экологическая, политическая, экономическая и т.п.; 3) разнообразием материалов для освоения грамотности: книга, фильм, танец, архитектурный ансамбль, статистическая таблица, электронное табло, диаграмма, формула, схема, смс-сообщение, пост, блог, ммс-сообщение и прочее; 4) свободным сочетанием различных видов грамотности субъектом культуры, делающим данного субъекта креативным и независимым.

Во втором параграфе «Постграмотное чтение как социально-коммуникативная подсистема современной культуры» мы исходим из концепции культуры как пространства семиотически оснащенного

диалогического общения (М. Бахтин, В. Библиер, Л. Закс, Ю. Лотман, М. Каган).

Чтение мы понимаем как социально-коммуникативную подсистему современной культуры, сложившуюся в классической парадигме культуры и традиционно состоящую из следующих компонентов: *автор – текст – читатель*. Каждый из компонентов осуществляет ряд функционально необходимых действий, направленных на то, чтобы обеспечить и реализовать практику (реально: практики) чтения. Соответственно, для того, чтобы понять, что представляет из себя новый тип чтения – *постграмотное чтение*, мы даем характеристику изменениям, произошедшим в условиях культуры постграмотности в каждом из компонентов данной социокультурной коммуникативной подсистемы.

В результате метаморфоз, произошедших в конце XX – начале XXI веков с «автором», мы делаем вывод, что *автор* утратил не только авторитет творческой инстанции, авторитет психологической убедительности, но и языковой самостоятельности. Из субъекта, творящего язык и литературу на своем языке, инстанции, задающей правила грамматики для своих читателей, автор превратился в инструмент, которым владеет язык, в средство существования языка и языковой игры. Автор утратил свою персональность, утратил функцию конструирования языка и выработки правил языковых игр. Социально (социологически) автор также стал другим: там, где раньше абсолютно доминировали специалисты – профессионалы инфоинформационного генеза и «текстопорождения», теперь на равных с ними, а все чаще и оттесняя их, действуют многочисленные непрофессиональные представители социальной массы, что существенно меняет все компоненты классической социально-коммуникативной системы, включая чтение. Тип чтения, в котором его правила устанавливаются не персонализированными авторами, а внеличностными, имперсональными структурами, такими как язык и/или гипертекст, мы называем постграмотным чтением.

Тексты также трансформировали свои качества. Яркими примерами полиморфных текстов современной культуры являются не-сетевые тексты и гипертексты, использующие различные каналы передачи информации одновременно. В этих текстах идет внутренний диалог информации, обращенной к различным рецептивным каналам ее получения и обработки. Такие тексты, по мнению Л. Иригарэ, разрушают патриархатность логоцентричной культуры, поскольку эти тексты – не только вербальные, но и визуальные, акустические, гаптические – демонстрируют множественность возможностей высказывания и авторитетных инстанций, существующих в

культуре. Также полиморфные тексты⁷, транслируемые современными техническими средствами мультимедийного суперхайвея, несут информацию ко всем органам чувств, осуществляют вовлечение и интерактивное взаимодействие с пользователем виртуальной реальности, погружение пользователя в новую реальность. В мультимедийных текстах культуры по-новому осуществляется общение, воспитание и образование, бизнес, развлечение и чтение. То есть пересматриваются все старые структуры отношений, и, в том числе, власти. Все это позволяет сетевые и не-сетевые мультимедийные гипертексты считать полиморфными текстами современной культуры, определяющими новый – постграмотный тип чтения.

Читатель в новых технико-технологических социокультурных условиях постграмотности также стал другим. Сеть Интернет наделила каждого читателя именем – «ником», портретом – «аватаром», легендой – историей посещения сайтов, как правило, собственной страницей (возможно не одной) в Интернете. Из безвестного и анонимного читателя, новый виртуальный читатель превратился в фигуру, постоянно проходящую процедуры регистрации и идентификации, которая взамен получает не только доступ к текстам произведений, но и к сайтам авторов этих текстов, к сайтам издательств и библиотек. Читатель не только интерпретирует тексты, наделяет их значениями и смыслами, одобряет или не одобряет, выражает свое согласие или несогласие с ними, но и публично комментирует, присваивает, дополняет, переформатирует, преобразует и пере-публикует тексты. Из фигуры, в традиционной системе чтения получающей и обрабатывающей информацию, в новой ситуации читатель превратился в субъекта, фиксирующего, суммирующего и генерирующего новую информацию.

Таким образом, *постграмотное чтение* – это особый культурно-исторический тип чтения, возникающий на основе технико-технологических возможностей порождения, функционирования и восприятия мультимедийных полиморфных гипертекстов, предоставляемых современными гаджетами, осуществляемый новыми виртуальными читателями в культуре, существенно изменившей отношения автора и читателя, а также утвердившей в этих отношениях (социально-коммуникативной системе в целом) главенство языков и культурных кодов, программных и технологических средств трансляции текста.

⁷ Иригарэ Л. Как нам создавать свою красоту. С.417-421. // Гендерная теория и искусство: Антология 1970-2000. Под ред. Л. М. Бредихиной, К. Дипуэлл. – М.:РОССПЭН, 2005, с. 419.

Третий параграф «Методологические принципы исследования чтения в эпоху постграмотности» решает задачу выработки методологии культурологического анализа современного постграмотного чтения.

Исходным для нас моментом являются представления о том, что понятие «чтение» в современной культуре сегодня обозначает сложный многоуровневый (системный) социально-коммуникативный феномен⁸, развивающийся нелинейно и неравномерно, с множеством аттракторов, внешних и внутренних факторов развития и действующих акторов.

Вторым определяющим моментом является утверждение, что чтение является не статичным феноменом, единожды сформировавшимся в истории культуры и застывшим в неизменном виде, а континуальным, развернутым во времени и, главное, развивающимся, усложняющимся процессом⁹, и потому должно исследоваться не только в современности, но и в историческом континууме¹⁰.

Мы предлагаем в качестве предпосылки построения эмпирической модели современного постграмотного чтения последовательно реализовать методологический арсенал *теории практик*, и в этом, во многом, состоит новизна нашего исследования. Для этого мы рассматриваем концепт практики и его содержание в трудах П. Бурдьё, а также в комментирующих и уточняющих его взгляды сочинениях В. Волкова, О. Хархордина, Н. Шматко.

Плодотворность разработанной П. Бурдьё методологии полей и практик была им убедительно продемонстрирована в анализе целого ряда сложных социокультурных явлений (от права до науки и литературы, от экономики до эстетического вкуса). Для нас также существенно, что эта методология у Бурдьё связана с пониманием неразрывной органической связи *социального и культурного, или общества и культуры*, т.е. с представлениями именно о *социокультурном* характере коллективного существования и активности людей во всех сферах жизни. Социальное маркирует систему связей и отношений между людьми, а также между людьми и вещами, а культурное – это способ существования (*воспроизводства и развития*), определяющий качество и смысл этой системы, а также отдельных ее элементов и взаимосвязей. Все это и дает основания применить методологию Бурдьё для анализа чтения как феномена культуры. Преимущество данной методологии, на наш взгляд, состоит в том, что она обладает мощным потенциалом воссоздания и систематизации

⁸ Аскарова В.Я. Изучение читателей в контексте социальной и культурной ситуации. С.108. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lib.csu.ru/vch/2/2000_01/010.pdf

⁹ Равинский Д. История чтения: раздвигая границы исследовательского пространства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/sites/default/files/old/nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/1791/1813/index.html>

¹⁰ Мангуэль А. История чтения. /пер с англ. М.Юнгер. – Екатеринбург: У-Фактория, 2008.

фактов эмпирического наблюдения за исследуемым явлением и предлагает надежный и плодотворный инструментарий системного описания наблюдаемого явления. Она позволяет выявить, как устроено исследуемое явление, как оно реально существует и изменяется во времени, и главное, как оно порождается агентами – участниками процесса. Вместо поиска ответа на вопрос «что это такое?» на первый план выходит поиск ответов на другие вопросы: «зачем оно?», «каким образом оно участвует в изменении реальности?», «какие привычные действия людей репрезентированы в этих действиях?».

Первым принципиальным положением концепции П. Бурдьё, признаваемым нами в качестве методологического, является определение практики: «практика – это изменение социального мира, производимое агентом»¹¹. Данное определение практики фиксирует, во-первых, момент процессуальности исследуемого явления – «изменение мира», во-вторых – момент качественных трансформаций, в третьих – появление нового культурного деятеля – агента культурной практики. Агент культурной практики отличается тем, что «действует в своих интересах» и «наделен собственным опытом, памятью, навыками и воображением»¹². Агент практики – это, следовательно, тот человек или институция, кто непосредственно осуществляет практику, то есть (в нашем случае) практикует чтение в своей жизни, а также активно продвигает эту практику в системе культуры. Агент практики делает это осознанно и целеустремленно, но степень активности, ее вектор «задаются» созданными культурой и объективными для агента формами жизни.

Второе принципиальное положение, используемое в качестве методологической установки – это другое определение практики, данное П. Бурдьё, где ученый уточняет: «практика – это все то, что социальный агент делает сам и с чем встречается в социальном мире»¹³. Это определение позволяет, во-первых, инвентаризировать все то, что социальный агент как субъект чтения делает в культуре; во-вторых, описать те явления, которые определяют деятельность агента чтения в культуре, и, в-третьих, выявить те явления, которые порождаются деятельностью агента чтения в культуре. Соответственно, понимание П. Бурдьё практики определяет методику анализа чтения в рамках используемой методологии.

¹¹ Цит. по: Шматко Н. Пути к практической теории практик [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bourdieu.name/content/shmatko-puti-k-prakticheskoy-teorii-praktiki>

¹² Круглова Т.А. Практики повседневности // Культурологическое измерение феномена повседневности. Монография / Под общ. ред. Т.А.Кругловой, Н.П. Коноваловой. – Екатеринбург: УрФУ, 2012. С.183.

¹³ Шматко Н. Пути к практической теории практик [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bourdieu.name/content/shmatko-puti-k-prakticheskoy-teorii-praktiki>

Первая процедура данной методики – это описание социокультурных условий, которые определяют практику чтения. Данные условия П. Бурдьё определяет как *социокультурный фон*, на котором осуществляется практика. Анализу социокультурного фона современного постграмотного чтения будет посвящен первый параграф следующей главы и разделы, связанные с сопоставлением практик чтения с другими важнейшими занятиями современного человека (служба, развлечения, отдых, путешествия и т.п.). В этой связи для нас важно разработанное школой Бурдьё понятие «*фоновых практик*», так как благодаря его использованию анализ практик чтения обретает дополнительный объем: чтение осуществляется не только внутри автономной подсистемы специализированного культурного пространства, оно взаимодействует, испытывая сильное влияние, с другими культурными практиками, неизбежно соседствующими с чтением.

Вторая процедура данной методики – это *описание агента чтения*, его внутренней программы, снаряжения и операциональных навыков, языка, на котором он описывает свою практику. Анализу этих морфологических маркеров практики постграмотного чтения будет посвящен второй параграф следующей главы. Третья процедура – это *выявление изменений, произведенных агентом чтения*: в отношении самого читателя, ценностей, которые формируются у агента в процессе практики и читательской идентичности агента чтения, языка описания практики и практических операциональных навыков агента чтения. К результатам изменений, производимых агентом чтения в культуре относятся, в частности и прежде всего, трансформации природо-преобразующей и социально-организующей подсистемы культуры¹⁴. Анализу этих структурно-функциональных социально-организующих компонентов системы чтения будет посвящен третий параграф второй главы. Еще одно ключевое для нас понятие, заимствованное у Бурдьё: *манифестации практик*. Возникновение особых манифестаций постграмотного чтения, в которых новые читатели маркируют свое право на «преимущественное» и «продвинутое» положение в современной культуре, будет проанализировано в заключительной главе исследования.

У П. Бурдьё практика по определению множественна. Если социокультурная практика – это все то, что практикуют агенты, то практики так же множественны, как агенты и способы их действий в пространстве культуры. Отсюда чтение как сложная система в методологии культурных

¹⁴Закс Л.А. Общество в культурологическом дискурсе: к проблеме «культурное vs социальное», или культурология vs социология. С. 145-156. // Социология: современность и перспективы: сборник научных статей / ред.-сост. Г. Е. Зборовский. - Екатеринбург, 2013. С.153., см. также: Закс Л.А.Общество для творчества: социально-организующая культура как основание креативности // Институциональная культурология. Сб. статей. СПб: Эйдос, 2013. – С. 6-23.

практик предстает не как одна, единственная и единая, культурная практика, а как *множество культурных практик чтения*, осуществляемых разными агентами, организованных при помощи различных институций, использующих исторически разнородные технологии чтения и преследующих разные цели в будущем.

Чтобы разобраться в том, чем отличаются множественные практики чтения друг от друга, составляя, тем не менее, единую систему чтения, нужно обратиться к методике исследования структуры практик, предложенной В. Волковым и О. Хархординим. Эти ученые развивают методологические идеи П. Бурдьё и предлагают исследовать практики в двух аспектах: *синхроническом и диахроническом*. В синхроническом аспекте они предлагают описывать практику с точки зрения используемого в данной практике снаряжения, приобретаемых в процессе практики операциональных навыков, а также формируемых агентом практики ценностей и идентичностей. В диахроническом аспекте они предлагают анализировать практику с точки зрения того, как называются на разных этапах истории элементы снаряжения, как реконструируются операциональные навыки и структура действия агента практики, каким образом и что именно заимствуется из *сопутствующих, конкурирующих и поддерживающих практик*. Такой алгоритм позволяет обозначить *параметры сравнения различных культурных практик чтения*, такие, как практические задачи, снаряжение, операциональные навыки, ценности и идентичности, и осуществить системное описание этих практик от технико-технологических и информационно-программных до аксиологических параметров чтения.

Используя теорию практик в качестве основного метода, систематизирующего разнообразный и разрозненный эмпирически материал о чтении, накопленный различными социально-гуманитарными науками, мы в то же время осознаем: в том, что принцип практик «стоит на позициях радикального эмпиризма» и «не объясняет, а интерпретирует», заключаются не только достоинства, но и существенные недостатки этого принципа. Как пишет В. Вахштайн, главным недостатком принципа практик является его ограниченность сферой повседневности, которая позволяет говорить только о повседневности-сущем, но не позволяет говорить о смыслах и значениях¹⁵, что замыкает анализ чтения в данной методологии представлениями о повседневности за пределами трансцендентного. В этом смысле принцип практик не полностью описывает систему чтения, поскольку процесс чтения включает в себя (прежде всего это касается чтения художественной, научной,

¹⁵ Вахштайн В. Между «практикой» и «поступком»: невыносимая легкость теорий повседневности // Социологическое обозрение, № 1, том 8, 2009. С 65.// http://sociologica.hse.ru/data/2011/03/30/1211851839/8_1_5.pdf

философской литературы) и выход за пределы повседневности, ее преодоление и насыщение смыслом, выходящим за границы практических значений. Не менее важное обстоятельство, которое тоже следует учитывать: эмпиризм методологии практик, то есть ее «замкнутость» на «непосредственной данности» конкретных культурных фактов, определяет недостаточность данного подхода для видения, объяснения и интерпретации культуры как целого и чтения в контексте этого фундаментально значимого для него целого, – что и составляет специфическую цель культурологического исследования.

Поэтому в культурологическом анализе чтения принципы полей и практик П. Бурдьё мы дополняем иными принципами и подходами: прежде всего, системным видением культуры и социокультурных оснований и функций чтения (в том числе социально-организующей), семиотическим, структурно-морфологическим и историко-морфологическим подходами, а также *подходами, работающими со смысловым содержанием культуры, с культурным «трансцендентным»*: принципом дискурсивной практики М. Фуко, ценностным принципом (отказ от логоцентризма), теорией женского чтения в феминистском постструктурализме Ю. Кристевой, принципом идентичности З. Баумана.

Для того, чтобы точнее описать сложную социально-коммуникативную систему чтения, мы будем исходить из предельно общего понимания чтения, которое позволяет нам сформулировать *семиотический подход*, представленный такими учеными как Ю.М. Лотман, Г. Кресс, У. Эко. Чтение мы будем понимать как *систему извлечения значений и смыслов из некоторой совокупности знаков, то есть текста*.

Как пишет британский социальный семиотик Г. Кресс и его ученики, и речь, и письмо, и чтение являются актами производства знаков. Письмо есть производство внешне визуально сообщаемых знаков; чтение есть производство внутренне воспринимаемых и осмысляемых знаков¹⁶. *Чтение так же активно и трансформативно по отношению к знакам, как и письмо*. Чтение – это процесс принуждения, потому что как письмо принуждает к поиску подходящих значений для производимых знаков, так и чтение принуждает читателя к сохранению рамок значений в процессе активной семиотической реконструкции всей произведенной письмом системы знаков – рамок, обычно определяемыми как «контекст»¹⁷.

¹⁶ Kress G., Leite-Garcia R., Theo van Leeuwen. Discourse Semiotics. Pp257-291// Discourse as Structure and Process. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. Vol. 1. \Ed. by Teun A. van Dijk. London. 1997. P. 269.

¹⁷ Kress G., Leite-Garcia R., Theo van Leeuwen. Discourse Semiotics. Pp257-291// Discourse as Structure and Process. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. Vol. 1. \Ed. by Teun A. van Dijk. London. 1997. P.270.

И Лотман, и Кресс признают *наличие различных языков в культуре, и, соответственно, наличие различных способов кодирования значений в тексты, как и разнообразных средств трансляции текстов*. И Ю.М. Лотман, и Г. Кресс выделяют 4 основных вида языков в культуре: 1) языки естественные, вербальные, 2) языки художественные (различных видов искусства), 3) языки науки и 4) языки искусственные (языки программирования)¹⁸. Если Ю.М. Лотман, главным образом, изучал существование этих языков в их отдельности, то для Кресса важным становится вопрос не только о способах существования каждого из этих языков, но и о том, при помощи каких медиа (посредников) транслируются тексты, созданные на этих языках, каким образом формируются и воспринимаются сложные полиморфные (“multy-modal”) тексты в современной культуре, как осознается и осуществляется переход «от чтения преимущественно печатной мономорфной (“mono-modal”) страницы к чтению полиморфного экранного текста»¹⁹.

Как утверждает Кресс, решающий поворот в функционировании чтения произошел в том, что традиционное чтение – это производство смысла знаков на основе контекста, или на основе множества источников информации, множества знаково-символических систем. Чтение полиморфных текстов превращается в дизайн: отбор систем контекстов и формирование траектории интерпретации.

Процесс чтения, его особенности объясняются, с точки зрения семиотики, особенностями знаково-языковой системы, в которой создан текст, и особенностями средства трансляции текстов – посредника в виде медиа.

Задача *структурно-морфологического принципа при анализе чтения – выявить многообразие практик современного чтения через формы чтения*. Используя в качестве теоретической основы рассуждений об изменении форм чтения в истории культуры идеи Г. Кресса о связи между языками, посредниками-медиа, и текстами, а также авторами и читателями, мы делаем шаг от описания современных практик чтения на фоне традиционного бумажного чтения и других досуговых практик в культуре, к анализу морфологической структуры современного чтения.

Опираясь на идеи Ю.М. Лотмана и Г.Кресса в этом движении, мы рассмотрим систему чтения от ее простейших структурно-морфологических компонентов (чтение вербальных текстов, чтение аудиотекстов, чтение

¹⁸ Лотман Ю.М. Текст как семиотическая проблема // Статьи по семиотике и топологии культуры //

http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Lotm/20.php

Kress G., Leite-Garcia R., Theo van Leeuwen. Discourse Semiotics. Pp257-291// Discourse as Structure and Process. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. Vol. 1. \Ed. by Teun A. van Dijk. London. 1997.

¹⁹ Kress G. Gains and losses: New forms of text, knowledge, and Learning / Computers and Composition, 22 (2005), p.11.

визуальных текстов) к чтению сложных полиморфных текстов в современной культуре, таких, как женские глянецовые журналы, сетевые дневники (блоги), художественные проекты, включающие в свою структуру различные художественные и не-художественные языки и средства передачи информации.

Задача структурно-морфологического анализа чтения состоит в том, чтобы выделить не только определенные морфемы и их сочетания. Также необходимо обосновать и описать *принципы морфологического структурирования чтения*: от языка текста к форме существования текста, затем от посредника – средства существования текста и/или носителя текста – к смысловому полю контекста чтения, и, наконец, от типа авторства к типу читателя.

Принцип дискурсивной практики М. Фуко, сформулированный философом в книге «Археология знания», позволяет нам рассматривать чтение не только как практику, позволяющую производить значения и смыслы информации, исходя из текста и контекстов, но и формировать в процессе чтения некоторые дискурсы, производить их и потреблять тексты, исходя из этих сформированных дискурсов (реализуемые в речи точка зрения, мировоззрение, идеология или ценностная позиция). Дискурсивная практика понимается нами как практика, реализующая некоторую власть языка, принуждение автора при наделении знаков значениями на письме, а также принуждающая читателя ограничиваться определенными дискурсивными рамками при наделении читаемого текста смыслами и значениями.

Принципы феминистской критики и теории женского письма важны нам несколькими принципиальными положениями. Феминистская критика одна из первых реализовала критику логоцентризма как проявление патриархатной власти мужского рационального, эксплицитного языка над женским. Именно в теории женского чтения зарождаются идеи женского языка, *синтетических полиморфных текстов* или принципиально невербальных текстов, равно имеющих право на существование в современной культуре.

Наконец, для нас оказываются исходными в процессе анализа современного чтения *идеи З. Баумана об «ускользающей», текучей социальной реальности*. Поскольку мы рассматриваем практики чтения не только в статике, но и в динамике (изменяющимися от традиционного грамотного бумажного чтения к современному постграмотному экранному чтению, и от мономорфных текстов к полиморфным текстам, то нам важно понимать, каким образом *определяется идентичность современных*

читателей, вписанных в подвижные социальные структуры современного мира и нуждающихся в постоянном подтверждении своей идентичности в актуально изменяющемся мире социальных сетей.

Сочетание выше названных методологий в контексте определяющего для настоящего исследования *системно-культурологического* видения культуры и чтения позволяет дать целостное описание практик постграмотного чтения как социально-коммуникативной подсистемы культуры, в которых осуществляются процессы производства и воспроизводства культуры.

ГЛАВА ВТОРАЯ «ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК ЧТЕНИЯ В ЭПОХУ ПОСТГРАМОТНОСТИ» содержательно и структурно определяется тем, что описывает характер и особенности функциональной модальности современной культуры чтения; она решает задачу выработки эмпирической модели социально-коммуникативной системы *постграмотного* чтения как системы практик с точки зрения их социокультурного фона, морфологических особенностей, а также социально-организующей роли.

В первом параграфе «Социокультурный фон практик постграмотного чтения» осуществляется анализ практик чтения в качестве главного для данного исследования предмета на фоне современной российской культуры. Системный характер культуры является для нас основополагающим положением при анализе фона практик чтения. Поскольку культура представляет собой единство объектно-объективной и субъектно-субъективной подсистем, то в качестве социокультурного фона современных практик чтения мы рассматриваем *две модальности современной культуры: со стороны объектно-объективной – это информационный характер современной культуры, а со стороны субъектно-субъективной – это ее потребительский характер.*

Именно взаимодействие этих двух системных качеств современной культуры предопределяет потребительское отношение к информации и средствам трансляции информации, а также нарастание влияния информации в системе потребления: в рекламе и в маркетинге. Как следствие этих процессов, в культуре информационного потребительского общества трансформируется чтение и представление о нем.

Мы выделяем совокупность нескольких *фоновых факторов*, определяющих переход от традиционного книжного чтения к современному постграмотному чтению. Это социокультурный фактор сегментированности современной культуры, социально-экономический фактор давления потребительской идеологии, политико-технологический фактор продвижения

компьютерных информационных технологий и услуг, деятельностно-антропологический фактор предпочтения других форм досуга.

Выяснив, что фоновыми факторами, обусловившими изменение мотивации, характера, технологии и социального статуса чтения, были радикальные изменения в российской культуре в целом: создание новой открытой информационной культуры потребительского общества, перейдем к осмыслению практик чтения на фоне других форм досуга. Анализ практики чтения на *фоне других досуговых практик*, таких, как просмотр телепередач, компьютерные развлечения и путешествия, выявил, что практика просмотра телепередач является конкурирующей по отношению к практикам традиционного чтения, поскольку просмотр телепередач также является практикой чтения в том расширенном смысле, в каком оно понимается в настоящей работе. Практики компьютерных развлечений являются сопутствующими практикам чтения, поскольку они сами также включают процесс экранного чтения, а практика путешествия является поддерживающей /поддерживаемой в отношении к практикам чтения.

Второй параграф «Морфологические особенности актуальных практик постграмотного чтения» решает задачу структурирования практик постграмотного чтения на основе морфологического принципа.

В качестве основы морфологического анализа особенностей практик современного постграмотного чтения мы принимаем три ранее высказанные нами идеи. Первая состоит в том, что постграмотное чтение характеризуется одновременным сосуществованием всех ранее выработанных в истории *форм чтения*. Вторая идея состоит в признании существования системы *языков культуры* (по Ю.М.Лотману). Третья идея, сформулированная Г. Крессом, состоит в том, что формы чтения определяются существующими языками культуры, *средствами трансляции языковой информации и функциональным предназначением текстов*.

1. Исторически первыми будут *языковые системы*, обращенные к *различным органам чувств* и, соответственно, чтение тех текстов, что несут информацию, обращенную к различным органам чувств:

- 1) Аудиочтение;
- 2) Визуальное чтение;
- 3) Сенсорное чтение.

Эти разновидности чтения являются базовыми для фиксации, сохранения и передачи информации в культуре, и, пройдя долгий путь исторических модификаций, они сохранились до наших дней, приобретая свою цифровую модификацию благодаря современным информационным технологиям:

- 1) Цифровое аудиочтение
- 2) Визуальное экранное чтение
- 3) Сенсорное экранное чтение.

Морфологическая система постграмотного чтения в соответствии с существующими языками культуры будет состоять из 4 главных элементов:

- 1) Чтение вербальных письменных текстов;
- 2) Чтение художественных (литературных, музыкальных, графических, хореографических, пластических, кинематографических, театральных и т.д.) текстов;
- 3) Чтение научных текстов, использующих специальные знаки и символы;
- 4) Чтение текстов, созданных на искусственных языках.

Каждая из этих разновидностей чтения также является существующей в ее реальной и цифровой модификации.

2. *Средства трансляции языковой информации:* система постграмотного чтения включает в себя те разновидности чтения, что были характерны для традиционной системы чтения на основе письменной грамотности, существующей на бумажных носителях:

- 1) Книжное чтение;
- 2) Газетное чтение;
- 3) Журнальное чтение;
- 4) Чтение брошюр;
- 5) Чтение листовок, плакатов, объявлений.

Система постграмотного чтения также включает в себя те разновидности, что выработаны новой системой аналоговых и цифровых средств трансляции информации:

- 1) Чтение экранное (визуальное) аналоговое;
- 2) Чтение аудиальное аналоговое;
- 3) Чтение сенсорное аналоговое;
- 4) Чтение экранное (визуальное) цифровое;
- 5) Чтение аудиальное цифровое;
- 6) Чтение сенсорное цифровое.

Чтение цифровое в зависимости от способа взаимодействия с Интернетом делится на чтение текстов, находящихся на ресурсах сети Интернет (“on-line”) и чтение текстов, скачанных из сети Интернет и сохраненных в памяти гаджета (“off-line”). Экранное чтение делится в зависимости от того, осуществляется процесс чтения со стационарного персонального компьютера или с мобильного устройства (гаджета). В первом

случае говорят о компьютерном чтении, во втором случае – о мобильном чтении.

3. Наконец, система постграмотного чтения включает в себя *разновидности чтения, определяемые функциональным назначением процессов восприятия и интерпретации считываемой информации*. В конкретном анализе мы будем пользоваться понятием «*практические задачи чтения*»: получение новой информации, осуществление профессиональных операций, организация досуга и развлечений оказываются неизбежно связаны с расширением возможностей личности, совершенствованием личности, в пределе – освоением новых экзистенциальных ценностей. Понятие «практические задачи» позволяет специфицировать типы чтения: вслед за существующей в социологии и истории чтения классификацией чтения, мы выделяем чтение *оказиональное, служебное и досуговое чтение*. Чтение *оказиональное* – это чтение случайное, бесцельное. Чтение *служебное* – это чтение людей в рамках определенной профессии: редакторов, корректоров, переводчиков, комментаторов, библиотекарей, педагогов, или чтение людей, получающих определенную профессию, то есть учебное чтение. Чтение *досуговое* имеет целью организацию досуга либо при помощи практики чтения, либо при помощи информации, полученной в процессе практики чтения, поэтому сюда входит чтение художественной и не-художественной литературы.

К *техничко-технологическим атрибутам* постграмотных практик чтения относится *снаряжение*: традиционные бумажные книги, газеты и журналы, электронные книги и аудиокниги, а также электронные сайты журналов, страницы Социальной сети, сетевые дневники – блоги, т.е. сетевые и несетевые гипертексты.

Навыки, которые вырабатываются в практиках чтения, зависят от того, являются практики чтения служебными или досуговыми, то есть от того, каковы *программы-матрицы* конкретных практик. В практиках постграмотного чтения формируются и совершенствуются навыки отбора, критической оценки, интерпретации текстов, а также мультимедийные информационные компетенции, такие, как: умение распознавать тексты разной природы, комбинировать их в мультимедийном суперхайвее и т.д. В досуговых практиках формируются навыки организации досуга на основе полученной в процессе чтения информации: планирования, финансирования и осуществления досуговых практик. В процессе практики чтения художественной литературы формируется навык смыслового кодирования и де-кодирования считываемой информации, переживания смысла произведения как события внутреннего мира личности читателя,

переосмысление ценности книги как «монумента» (П. Бурдьё) духовным событиям чтения.

Поскольку разновидности чтения, выделяемые по функциональному признаку, вбирают в себя все остальные морфологические признаки этих разновидностей чтения, то мы осуществим анализ именно этих типов чтения, учитывая следующие критерии: практические задачи, программы-матрицы, технико-технологические атрибуты.

Такие практики чтения как *служебное чтение*: профессиональное или учебное чтение, – отличаются целями/функциями – общей программой – техникой и технологиями. Отличие практических задач состоит в развитии различных способов получения и обработки, сохранения и передачи информации. Специфика навыков служебного чтения – это быстрое, просмотровое, поисковое, проматывающее чтение, а также это навыки профессионального анализа, сравнения, оценки, интерпретации полученной информации, переноса информации с одного вида носителей на другой (с экрана на бумагу, из звука в изображение), из одной формы в другую (из текста в таблицу или диаграмму, и, наоборот). Специфичны также идентичности читателей – это читатели, принадлежащие к определенной учебной или профессиональной или другой социальной группе и посредством чтения специфически манифестирующие уровень адаптированности к современной культуре, ее технико-технологическим и программно-информационным возможностям и требованиям, и утверждающие свою особую социокультурную сущность. Если в классической культуре принадлежность к элите манифестировалась чтением книг художественной литературы, то сегодня принадлежность к элите манифестируется свободным профессиональным владением всеми мультимедийными навыками и компетенциями.

Досуговые практики чтения отличаются, прежде всего, практическими задачами – это задачи организации досуга, развлечения, отвлечения от повседневных учебных или трудовых обязанностей, переключения на другие виды досуговой деятельности. В досуговом чтении чаще используются специализированные гаджеты для чтения – электронные книги и аудиоплееры. Среди востребованных навыков чтения выделяются навыки чтения-наслаждения. Это смакующее и избирательное чтение, в котором утверждается идентичность читателя-отдыхающего, читателя-наслаждающегося во всем спектре его социокультурных функций и ролей.

Дискурсивные практики чтения выделяются тем, что они не отличаются снаряжением, но требуют особых навыков, позволяющих решать специфические дискурсивные практические задачи и *насыщать процесс*

чтения особым внутренним содержанием. Среди дискурсивных практик чтения могут быть художественные, публицистические, эссеистские и другие. Для того, к примеру, чтобы читать «художественно», дискурсивное чтение в отличие от прагматически-функционального требует особых навыков, соответствующих «внутренней форме» текстов, и процесс чтения становится эмпатическим, более затратным психо-эмоционально, и потому весьма специфичным, отличающимся и навыками, и внутренним содержанием. И то, и другое в данной разновидности отличается тем, что чтение в качестве дискурсивной практики запрограммировано на то, чтобы стать внутренним духовно-экзистенциальным событием в жизни читателя. Именно в дискурсивных практиках чтения мы имеем дело с множественностью форм художественного общения между автором и читателем, именно в чтении художественной литературы читатель утверждает экзистенциальную потребность в чтении и чтение-удовольствие как мотив чтения. В практиках дискурсивного чтения осуществляются самые разные формы самоопределения читательской личности. Переосмысление себя, своей жизненной ситуации и книги в этой ситуации становится содержанием духовно-экзистенциального события чтения. Это событие с необходимостью нуждается в своем памятнике, или мемориале, и таким памятником событию чтения является книга на бумажном носителе. Поэтому практики досугового чтения художественной литературы теснейшим образом сегодня связаны с распространением электронных книг и аудиокниг. Такое снаряжение чтения обеспечивает мобильность, комфорт, объемность чтения, но в случае, когда состоялось событие чтения, а также для того, чтобы оно состоялось, требуется книга в твердом переплете, чтобы стать еще одним памятником событию чтения в ряду других таких памятников на книжной полке. Переходом чтения досугового в чтение дискурсивное объясняется, почему чтение на электронных специализированных гаджетах не отменяет приобретения бумажных изданий тех же книг.

Третий параграф «Социально-организующая функция практик постграмотного чтения» решает задачу *функционального анализа практик постграмотного чтения*: преобразования ценностей, изменения идентичностей, порождения многообразия способов самоопределения, формирования множественности форм общения, создания новых институций в современной культуре. Концептуально он опирается, с одной стороны, на представление о социально-организующей (формирующей «социальность» во всех ее аспектах) функции культуры и, соответственно, чтения как феномена культуры, а с другой – на *«раскрывающую» функцию практик* (П. Бурдьё), их способность проявить то, что побуждает читателя читать, каким

образом формируется читательская идентичность, каким образом разные субъектности вступают в диалог друг с другом в процессе чтения, как трансформируется читательское сообщество.

Основным методом является сравнительный анализ современных практик чтения с традиционными практиками чтения классической литературы и женских журналов. Практики чтения и их социально-организующая функция анализируются в исторической ретроспективе от чтения произведений классической литературы 19 века к чтению новых мультимедийных текстов современной культуры: блоги, социальные сети и другое. Выявляется то, каким образом внутри традиционных практик чтения прорастают новые элементы, характеризующие уже постграмотное чтение, и каким образом внутри традиционных практик чтения в связи с переходом к электронному и мобильному чтению при помощи гаджетов происходит трансформация социально-организующих функций: коммуникативной, аксиологической, идентифицирующей, и институализирующей. Выясняется, что изменения социально-организующих функций чтения связаны, прежде всего, с общими изменениями в системе культуры, такими как переход к «текущей современности», мультимедийно-информационному и потребительскому обществу.

Социально-организующая функция практик постграмотного чтения определяется ценностями, формирующимися в процессе освоения современных полиморфных не-логоцентричных и анти-патриархатных текстов; идентичностями, которые формируются у читателей; многообразием форм самоопределения личности, осуществляемых читателями в процессе участия в социальных сетях; множественностью форм общения, происходящих между автором – текстом – читателем; а также спецификой современных институций чтения, таких как цифровые коллекции различных изданий, собранных на одном персональном гаджете для чтения, которые мы рассматриваем в качестве постграмотной модификации «библиотеки «для себя»».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ «МАНИФЕСТАЦИИ ПРАКТИК ПОСТГРАМОТНОГО ЧТЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ» раскрывает особенности объектно-объективной стороны современной культуры чтения во всем *многообразии манифестаций* постграмотного чтения мультимедийных сетевых и полиморфных не-сетевых гипертекстов, созданных в современной культуре. Под «манифестациями» мы понимаем тексты, в которых проявляются позиции агентов и адептов чтения в поле чтения. Для представителей нового «виртуального» читателя манифестациями его новой социокультурной позиции будут ставшие

привычными, габитуализированные (в значении, определенном П. Бурдьё) в его чтении мультимедийные тексты сообщений социальных сетей, сетевых дневников – блогов или Интернет-сайты журналов и газет, издательств, рекламные сообщения и многое другое, существующее в современной культуре по *принципам полиморфного мультимедийного гипертекста*.

В первом параграфе «Постграмотное чтение сетевых полиморфных гипертекстов» выявляется, как *практика чтения сетевых полиморфных гипертекстов была подготовлена идеями французского феминистского постструктурализма и феминистской литературной критики, а также практиками «женского чтения»*. Анализируются идеи Э. Сиксу о внутреннем полифоническом разногласии текста, объединяемого в эстетическое целое общей интонацией высказывания, Л. Иригарэ о необходимости поиска невербальных форм коммуникации, дополнения вербальных языков и их выразительно-коммуникативных возможностей другими языками: визуальными, гаптическими, гастрономическими, Ш. Фельман о необходимости выработки сложного языка «женского» высказывания в единстве «жизни-взгляда-речи» и Ю. Кристевой о спасительности для логоцентричной и патриархатной культуры конца XX века сложного синтетического «женского» языка искусства, способного вернуть культуру к ее смысловым и выразительным истокам. Такой новый импульс развития культуры стал возможен благодаря тому, что «женский» язык деконструирует важнейшие культурные оппозиции, преодолевает логоцентризм патриархатной культуры, добавляя в вербальные рациональные и эксплицитные «мужские» тексты имплицитную «женскую» составляющую при помощи визуальных, парфюмерных, гастрономических, сенсорных компонентов. Такое развитие языка воссоздает в текстах изначальную *многоканальность социокультурной информации*, соединяет процессы чтения с наслаждением.

В качестве манифестаций постграмотного чтения рассматриваются тексты, демонстрирующие новые практики чтения, обусловленные информационными технологиями и технико-технологическими, программно-информационными возможностями *мультимедийного сетевого гипертекста*. Это чтение в социальных сетях и чтение сетевых блогов, на примере чтения блогов Э. Хромченко, Т. Юмашевой, И. Хакамады, В. Белоцерковской, Н. Коляды. В результате анализа этих манифестаций выявляется, что тексты для чтения с гаджетов отличаются такими особенностями, как: полиморфность языка текстов, мультимедийность каналов трансляции текстов, гипертекстуальность структуры текстов, интерактивность взаимодействия текста с читателем. В этих текстах

манифестируются все *трансформации в отношениях между автором и читателем текста*. Биографический автор скрывается за «авторской маской», становится собирателем текстов, существующих на разных языках (аудио, видео, фото, знаково-вербальный текст), чье авторство принадлежит другим людям, а «автор», использующий эти тексты на своей странице, выступает только как автор-составитель или автор-публикатор, сетевой автор, в чьем тексте составной частью являются активные гиперссылки на другие тексты. Само чтение осуществляется как открытый поисковый диалог в реальном времени с открытым публичным высказыванием читателем своей реакции на основной текст и ответной публикацией, что также делает читателя «автором».

В результате проделанной работы было выявлено, что соединение чтения с процессами, доставляющими наслаждение – чувственного наслаждения информацией от различных каналов восприятия – не только зрения, но и обоняния, слуха, осязания – является сущностной характеристикой чтения в современных техниках, когда чтение включено составной частью в процессы взаимодействия информационного суперхайвея и его читателей.

Второй параграф **«Постграмотное чтение несетевых полиморфных гипертекстов»** посвящен анализу текстов, манифестирующих новые коммуникативно-выразительные возможности практик чтения, построенных по структуре чтения сетевых гипертекстов, но выполненных в *полиморфных не-сетевых текстах*. Задача данного параграфа – выявить те социокультурные преимущества, которые дает не-сетевым гипертекстам использование в тексте различных языков, построение не- сетевого текста по законам мультимедийного полиморфного гипертекста.

Манифестацией нового типа постграмотного чтения в не-сетевой среде служат несетевые полиморфные гипертексты. В новых социокультурных условиях, когда произведения покидают музеи, кинотеатры и библиотеки, мы можем обнаружить примеры такого чтения, обратившись к аудиовизуальным перформансам К. Водички, визуальным поэмам Э. Каса и другим произведениям современных зарубежных и отечественных авторов. Их гипертекстуальность связана с погружением полиморфных текстов в общемировой культурный и художественный контекст, который насыщает эти тексты дополнительными смысловыми коннотациями.

Данные тексты манифестируют не только читательские предпочтения в поле современного постграмотного чтения, но по закону гомологии также характеризуют и самих читателей – их навыки полиморфного, синтетического, многоканального восприятия и одновременной

интерпретации считываемого содержания. Так, окказиональный характер начального этапа чтения требует от читателя навыков быстрого переключения с чтения окказиональных текстов: вывесок, рекламных плакатов, СМС-сообщений на чтение текстов художественной литературы: стихотворных четверостиший, драматических монологов, фрагментов эссе. Навыки, необходимые на финальном этапе чтения – это навыки художественно-дискурсивного сетевого чтения: навыки интерактивного и мультимедийного взаимодействия с текстом, при котором именно читатели становятся инстанцией, руководящей становлением смысла произведения, теми самыми архиччитателями, которые конструируют смысл текста по тем инструкциям, которые несет для декодирования сам текст. Вследствие этого к читателю переходят те конструирующие смысл, грамматику и дискурс текста функции, которые в традиционной книжной культуре всегда принадлежали автору. Именно в этом *превращении читателя в автора состоит онтологический сдвиг*, суть которого – в изменении способов существования читателя и его взаимодействия с текстом.

Тем самым избранные в качестве примеров произведения ярко демонстрируют практики постграмотного чтения в их многоплановой специфике.

В **Заключении** диссертационного исследования делаются выводы и формулируются итоги и перспективы развития исследования.

СТЕПЕНЬ ДОСТОВЕРНОСТИ результатов исследования обоснована изучением как фундаментальной, так и дискуссионной научной литературы, последовательным применением выработанной методологии исследования, культурологическим движением от общих идей о структурно-функциональных и содержательных характеристиках современной культуры к анализу проблем современной формы грамотности (постграмотности), а также к конкретным характеристикам современных множественных культурных практик чтения, и наконец, описанию различных манифестаций современных практик чтения.

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК:

1. Гудова М. Ю. Праздничность как свойство мироотношения в женских глянцевах журналах / М. Ю. Гудова // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2010. № 2 (76). С.41-47.
2. Гудова М. Ю. Постграмотность как актуальная проблема современной культуры / М. Ю. Гудова // Образование и наука. Известия УрО РАО : журнал теоретических и прикладных исследований. 2011. № 9 (88). С. 69-78..

3. Гудова М. Ю. Современное чтение как деятельность, культурная практика и социальный институт / М. Ю. Гудова // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 30, вып. 22: Философия. Социология. Культурология. С. 100-104.
4. Гудова М. Ю. Чтение женских глянцевого журналов и трансформация нравов женского читательского сообщества: опыт модернизации в странах Юго-Восточной Азии / М. Ю. Гудова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8, ч. 3. С. 76-79.
5. Гудова М. Ю. Постграмотность как массовый социокультурный эффект / М. Ю. Гудова // Теория и практика общественного развития. 2012. № 5. С. 212-214.
6. Гудова М. Ю. Культурная практика досугового чтения в современной информационной культуре / М. Ю. Гудова // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12. С. 374-376.
7. Гудова М. Ю. Чтение на фоне разнообразия досуговых культурных практик / М. Ю. Гудова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 1, ч. 2. С. 63-68.
8. Гудова М. Ю. Интернет-чтение как новая форма социальной организации чтения / М. Ю. Гудова // Мир науки, культуры и образования. 2013. № 1 (38). С. 237-240.
9. Гудова М. Ю. Границы методологической применимости понятий интереса, субъективности и интертекстуальности при анализе произведений временных невербальных искусств / М. Ю. Гудова, М. В. Матушкина // Европейский журнал социальных наук (European Journal of Social Science). 2014. Т. 1, № 2. С. 306-309 (авторские не разделены).
10. Гудова М. Ю. Постграмотное чтение пиктографического письма в арт-проекте «Logoglyphs» Эдуардо Каса, 2006-2013 / М. Ю. Гудова // Мир науки, культуры и образования. 2014. № 5 (48). С. 273-275.
11. Гудова М. Ю. Чтение в культуре общества потребления / М. Ю. Гудова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2014. № 3 (131). С. 105-112.
12. Гудова М. Ю. Постграмотное чтение: актуальность определения понятия / М. Ю. Гудова // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 33: Философия. Социология. Культурология. 2014. № 17 (346). С. 130-132.
13. Гудова М. Ю. Женское чтение в социальных сетях / М. Ю. Гудова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2014. № 4 (132). С. 94-100.

14. Гудова М. Ю. Чтение как культурная практика: обоснование методологии исследования / М. Ю. Гудова // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2014. № 3 (39). С. 82-88.
15. Гудова М. Ю. Многообразие форм художественного общения в современном чтении / М. Ю. Гудова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2014. № 4 (133). С. 239-244.
16. Gudova M. The Women's Reading in Social Network / M. Gudova // International Conference on Education and Social Science (INTCESS). Istanbul, 2014. P. 1009-1011.

Монографии:

17. Гудова М. Ю. Интонация: духовные истоки и художественные смыслы : научная монография / М. Ю. Гудова. Екатеринбург : АМБ, 2004. 207 с.
18. Гудова М. Ю. Пространство жизни семьи: внутренняя драматургия дома / М. Ю. Гудова, И. Д. Ракипова // Семья: между насилием и толерантностью : коллективная монография. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 173-180 (авторские не разделены).
19. Гудова М. Ю. Советский шик и российский гламур: ценности и репрезентации / М. Ю. Гудова // Советское прошлое и культура настоящего : монография / отв. ред Н. А. Купина, О. А. Михайлова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. Т. 2. С. 39-54.
20. Гудова М. Ю. Женские глянцевого журналы: хронотоп воображаемой повседневности: научная монография / М. Ю. Гудова, И. Д. Ракипова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. 238 с. (авторские разделены: 12/3 п.л.).
21. Гудова М. Ю. Чтение как культурная практика повседневности в современной России: к вопросу о методологии исследования / М. Ю. Гудова // Культурологическое измерение феномена повседневности : научная монография. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. С. 210-229.
22. Гудова М. Ю. Гендерные нравы и женское чтение: опыт прерванной модернизации / М. Ю. Гудова // Нравы как социально-культурный феномен: проблема модернизации в современной России : монография. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. С. 145-184.

Другие издания:

23. Гудова М. Ю. Коммерциализация женской повседневности (на примере ритуала ухаживания, помолвки и свадьбы) на страницах журнала «Свадебный вальс» [Электронный ресурс] / М. Ю. Гудова. Режим доступа: <http://www.genderstudies.info>.

24. Гудова М. Ю. К вопросу об онтологических аспектах художественной интонации / М. Ю. Гудова // *Онтология искусства: сборник научных статей*. Екатеринбург : Изд-во Гуманит. ун-та, 2005. С.147-162.
25. Гудова М. Ю. Достоянные образы достойной старости: «глянец» и действительность / М. Ю. Гудова, И. Д. Ракипова // *Образ достойной жизни в современных российских СМИ : сборник научных статей*. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. С. 256-270 (авторские не разделены).
26. Гудова М. Ю. Политика, маскарад и повседневность в фото проекте JR Women are Heroes [Электронный ресурс] / М. Ю. Гудова, Н. А. Хисматулина // *Гендерные исследования*. 2010. № 20/21. С. 383 – 393. Режим доступа: http://intelros.ru/pdf/gender_issledovaniya/2010_20-21/25.pdf (авторские не разделены).
27. Гудова М. Ю. Хронотоп гляцевых журналов как механизм вытеснения советских экзистенциальных структур идентичности и формирования идентичности постсоветского человека [Электронный ресурс] / М. Ю. Гудова // *International Journal of Cultural Research*. 2011. № 1. Режим доступа: culturalresearch.ru
28. Гудова М. Ю. Современное популярное чтение и проблема взаимодействия «своего» и «чужого» в актуальной российской культуре [Электронный ресурс] / М. Ю. Гудова // *International Journal of Cultural Research*. 2011. № 2. Режим доступа: culturalresearch.ru.
29. Гудова М. Ю. Проблема учебного чтения магистрантов-гуманитариев в истории культуры и современности / М. Ю. Гудова // *Приволжский научный вестник*. 2012. № 5. С. 86-91.
30. Гудова М. Ю. Женское чтение как культурная практика модернизации женских нравов / М. Ю. Гудова // *Институциональная культурология : сборник статей*. Санкт-Петербург : Эйдос, 2013. С. 133-143.
31. Гудова М. Ю. Мультимедийный образовательный ресурс как пример учебного гипертекста в эпоху постграмотности / М. Ю. Гудова, Е. В. Рубцова // *Образовательные технологии*. 2013. № 4. С. 90-95 (авторские не разделены).
32. Гудова М. Ю. Особенности современной художественности на примере арт-проекта Кшиштофа Водички: Projekcja Weteranow Wojennyh (Krakow, 2013) / М. Ю. Гудова // *Границы искусства и территории культуры : сборник научных статей / под ред. Л. А. Закса, Т. А. Кругловой*. Екатеринбург : Изд-во Гуманит. ун-та, 2013. С. 236-246.
33. Gudova M. Multiple Forms of Art Dialog in the Modern Reading / M. Gudova // *19th International Congress of Aesthetics. Aesthetics in action. Book of abstracts*. Krakow, 2013. P. 115.

34. Гудова М. Ю. Актуальные проблемы современной культуры: постграмотность / М. Ю. Гудова // Инновационные проекты и программы в образовании. 2014. Т. 4. С. 27-31.
35. Gudova M. Cultural practice as method of advocation contemporary art / M. Goodova // Revision of Modern Aesthetics. International Scientific Conference. Proceedings. / University of Belgrad, Faculty of Architecture. Belgrade, 2015. Pp. 432-438.